

The background of the entire image is a golden, ethereal landscape. In the foreground, a dark silhouette of a person wearing a hooded cloak sits atop a horse, facing away from the viewer. They are walking on a sandy, dune-like terrain. In the distance, a glowing horizon line separates the landscape from a city skyline on the right. The sky is filled with a dense field of stars and nebulae. At the very top, a pair of large, golden eyes with human-like pupils is superimposed on the cosmic background, looking directly at the viewer.

АРХИТЕКТОРЫ ВРЕМЕНИ

НЕЙРОНАВИГАТОР

УРИЭЛЬ МИРОНЗА

Уриэль Миронза

Архитекторы времени.

Нейронавигатор

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70406257
SelfPub; 2024*

Аннотация

Необыкновенные, Звездные технологии древнейшей из цивилизаций, меняющие реальность смерти и раскрывающие Врата в иные миры; Непредсказуемые, шокирующие повороты судеб героев; Противостояние миров; Приключения, накал и интрига – все это на страницах этой книги. С первых же глав жизнь главных героев кардинально меняется. Перед ними неожиданно открывается такая реальность, в существование которой невозможно поверить: СМЕРТЬ ЛИШЬ ИЛЛЮЗИЯ... Настоящая природа Космоса – не физическая! Мозг – это нанокопия Вселенной, человек – фантазия звезды, которая рождается вновь и вновь. Любые космические путешествия блекнут в сравнении с этим. Границы физического мира дали трещину. Сквозь нее главные герои, мужчина и женщина, перевоплощаясь в разных мирах и эпохах, спешат навстречу друг к другу, движимые древней памятью их бессмертных душ. Преодолевая сопротивления превосходящих сил, они постепенно

раскрывают весь невероятный масштаб их Миссии, длиной в тысячи жизней...

Уриэль Миронза

Архитекторы времени.

Нейронавигатор

Воин

Пока другие слепо следуют за истиной,

помни – ничто не истинно.

В то время как остальные ограничены моралью и законом, помни – все дозволено.

Мы действуем во тьме, но служим Свету.

Моей целью было добраться до наместника одной из провинций халифата.

Детально изучая его окружение, я все больше склонялся к выводу, что единственная возможность выйти на него – втереться в доверие к его сыну, который, по слухам, обожал своего отца. Напрямую к наместнику никак не подобраться.

Долго я искал любые выходы на наследника. Через какое-то время мне повезло: я встретил человека из его ближнего окружения. Говоря с ним, понял, что им нужны воины. Я рассказал о службе в личной охране халифа, о сражениях с сельджуками при защите Багдада, о ранениях. Вскользь бро-

сил, что ищу, кому могут пригодиться мои умения; и кто в состоянии за них платить. Человек спросил, готов ли я выполнять любые поручения, на что получил утвердительный ответ.

Вскоре меня пригласили в дом сына наместника. Аудитория проходила в небольшом круглом зале под открытым небом. Мои ноги ступали по песку, я был безоружен. В отдалении стояло семь человек, включая наследника.

«Скорее всего, здесь тренируются воины из его охраны», — только и успел подумать я, как мне предложили показать свои навыки и кинули деревянную палку. Она была увесистая и могла создать серьезные проблемы в умелых руках. Вперед вышли двое. Блеснула сталь мечей, отражая солнечный свет. Они медленно приближались. Я выжидал, давая им подойти на нужную мне дистанцию. Чтобы максимально снизить риски, решил начать с демонстрации своих артистических способностей и всем своим видом стал показывать нарастающую растерянность и страх. Когда дистанция сократилась достаточно для действий, я упал на колени рядом с палкой и завопил. Вокруг стали смеяться, кто-то предложил «гнать этого осла, всыпав ему плетью». Те, кто ко мне приблизились, тоже расслабились и стали усмехаться. На это я и рассчитывал. Одной рукой схватив горсть песка, другой — подхватив палку, я резко подскочил и крутанулся вокруг своей оси. Конец палки, прочертив дугу в воздухе, попал первому охраннику точно в висок. Следующим движением

горсть песка уже летела в глаза другому. От неожиданности тот не успел защититься, и песок достиг цели. Инстинктивно второй охранник попятился и выбросил вперед руку с мечом, но его ноги остались открытыми. Я уже был рядом и хлестко нанес удар по бедру, чуть выше колена. Нога его подогнулась, и он грузно упал. Глянув на растянувшегося на песке первого охранника, я отбросил палку в сторону и поднял руки, показывая, что бой окончен.

Возникла молчаливая пауза, которую нарушил сын наместника.

– Мне нравится, что ты импровизируешь. Накорми его и расскажи о задании, – отдал он распоряжение седовласому мужчине, с которым я уже был знаком. Потом указал рукой на распростертое тело, возле головы которого возникло темно-красное пятно. – Помогите этому, – добавил он, после чего удалился.

К телу подошли двое. Один привстал на колени, но быстро поднялся, отрицательно мотнув головой в знак того, что помощь уже не нужна.

Меня усадили поесть. Стол был заставлен различными яствами: от горячих мясных блюд до сладостей и фруктов. Вдоволь наевшись, я приготовился слушать. Седовласый мужчина начал рассказ.

Судя по всему, сын наместника хотел доказать отцу свою значимость и втайне решил самостоятельно уничтожить его злейшего врага. Нужно было пробраться в охраняемый дворец одного из приближенных халифа и убить его. Вместе со мной должны были идти еще трое. После этого задания мне наверняка удастся встретиться и с самим наместником.

— Задача не из простых, поэтому желательно подготовиться, — сказал я.

— У нас есть все необходимое, чтобы взять в заложники семью телохранителя вашей цели, — ответил седовласый. — А теперь наслаждайся.

После этих слов он хлопнул в ладоши. Тут же внесли кальян, зазвучала музыка и выскочили танцовщицы.

Все так и произошло, как сказал седой. Мы выполнили поставленную задачу легко и быстро, практически не встретив сопротивления.

Трудности возникли после. Мой наниматель решил избавиться от всех, кто мог бы его раскрыть. С нами шел человек, который должен был оставить нас в пустыне навсегда. Мне удалось избежать этой участи. Для меня такой сценарий стал логичным завершением выполненного задания, и я был к нему готов.

После проделанной работы мы весь день убегали прочь от города и остановились на ночлег далеко в пустыне. Затрещал костер. Перекусив, все расслабились и беззаботно делились впечатлениями и планами на будущее. Чужая неладное, я

прикинулся больным, тем самым усыпив бдительность врага. И когда он прирезал их, особо не рассчитывая на мое сопротивление, я, резко вскочив, точным ударом сверху всадил в него нож по самую рукоять. Длинное лезвие его стилета лишь слегка коснулось ключицы.

Присыпав трупы и забрав все ценное, я поспешил убраться оттуда. Проскакав полночи и совсем утомив коня, я случайно наткнулся на развалины древнего поселения. Они идеально подходили, чтобы укрыться от песчаного ветра.

Вздохнул свободнее. Наконец-то получится перевести дух после бешеного ритма последних дней.

3

И в диком крике

Вера рвется в клочья,

Теперь надолго ум пропитан ночью...

Я развел огонь. Рассыпавшиеся в черном небе звезды освещали безбрежное море песка холодным сиянием. Лишь отблески костра причудливыми бликами согревали ближайшие дюны и полуразрушенные строения. Будучи человеком пустыни, я любил то бесконечное чувство свободы, которое она дарила. И как бы ни было худо, пустыня всегда успокаивала меня. Но только не сегодня.

В этот раз острое чувство тоски и безысходности сдавли-

вало сердце. И дело было не в задании.

Я засмотрелся на огонь, и меня накрыла волна воспомина-ний. Вспомнил смерть родителей и сестер, убитых ночью при свете факела. Плен длиной в бесконечность. Побег. Вступление в Братство. Нескончаемые войны во имя Веры. Воспитанный в лучших традициях воина ислама, я видел смерть как продолжение жизни. На все воля Аллаха! Хорошо изучив лживую природу людей, я совсем не страдал угрызениями совести, считая себя орудием в руках Всевышнего.

Ведь Он знает, куда направляет, а я – лишь исполнитель Его замысла. Я свято верил в это. Раньше. Но сегодня моя Вера дрогнула.

Семью телохранителя мы не пощадили, как и его самого. Единственным уцелевшим был годовалый ребенок. Именно он снес основы той Веры, которая стержнем пронизывала мое существо. Войдя в одну из комнат, я встретился с ним взглядом. Он лежал в кроватке, но сразу уставился на меня. Пристально смотрел несколько мгновений, а затем улыбнулся... У меня сдавило сердце от мысли, что должен лишиться его жизни. Я поспешил убраться. Весь день меня преследовал этот взгляд. Он проникал в душу, видел ее насквозь, но не осуждал.

И сейчас, сидя у костра, я погружался в пучины своего прошлого. Точнее, стал тонуть в них.

Причина была во взгляде младенца, который, словно наваждение, засел четким воспоминанием в голове. Он открыл

врата ада, лишив меня Веры.

«Тех, чьи лица почернеют, спросят: „Вы стали безбожниками после того, как были верующими?! Вкусите же наказание за ваше неверие“», – зловещим набатом прозвучали во мне слова из Корана.

4

Вся жизнь проносилась в мыслях бурным водоворотом, увлекая мой разум в хаос давно минувших событий. Снова и снова переживал я всю мощь некогда забытых чувств. Бешено колотилось сердце, в ушах шумело, я весь взмок. Стало казаться, что вот-вот сойду с ума.

И в какой-то миг меня озарило.

Я мстил за сестер, за близких. Мстил всему миру, а не кому-то конкретному. Мстил безжалостно и расчетливо, с полной уверенностью, что делаю это во имя Аллаха.

Сегодня стало ясно, как долго я себя обманывал, скрывая эту черную жажду под маской Веры.

Желание мстить переполняло меня, делало жестоким и бесстрашным. Так называемая Вера, контролируя мою всепоглощающую ярость, управляла разумом. Таким образом я превращался в смертельное оружие для всех, на кого устремлялось мое внимание.

И вот огонь мести погас, спалив дотла все содержимое, наполнявшее сердце долгие годы. Страх смерти проник в ме-

ня. Но ведь как раз ее я не боялся – наоборот, хотел, точно зная, что ожидает по ту сторону. Однако не боялся я «вчерашний». Сегодня мои знания оказались лишь просто золой от пожара.

Назад пути нет. В этом я не сомневался. От этого трясло. Все, во что твердо верил; все, что было моей основой, – рушилось. Я напоминал развалины, в которых проводил остаток этой ночи.

Сон, как назло, не шел. Мысли назойливо продолжали лезть в голову и добивать того человека, кем я был еще утром. Сколько так просидел, не помню, но за это время я несколько раз прожил всю свою жизнь.

«Как взгляд младенца смог такое сотворить со мной? Как?» – я поднял глаза, вопрошая у неба.

Вдруг одна из звезд стала расти и становиться ярче. Увеличившись в несколько раз, она замерла на мгновение, как будто спрашивая разрешения, чтобы упасть, а после молнией пала за горизонт.

Я опустил на колени и начал молиться. Это знак свыше. Всевышний не оставил меня.

5

Под утро пришел сон, и, выспавшись в тени уцелевшей части стены одного из строений, я уже не так терзался охватившими меня ночными сомнениями. Но это лишь времен-

но. Облегчение скоро вновь сменится пыткой.

Я знал, что изменился... Бесповоротно. Вчерашние мысли выжгли нутро, лишив меня уверенности и силы, поэтому сейчас мне нужно безопасное место, чтобы получить возможность хоть как-то восстановиться.

Когда на небе россыпью заблестели звезды, я тронулся в путь и часто задираю голову, вглядываясь в небесную высь, ища знаки. Надеюсь, что Повелитель Миров укажет мне новый путь.

До ближайшего поселения было два дня. Запасов воды и пищи хватало.

Длинная ночь, дальняя дорога, пустыня – все это вновь погрузило меня в несвойственные размышления.

В голове сами по себе возникали картины, шрамами лежащие на моей памяти. Ко многим из них я привык, но была одна, до сих пор вызывающая тупую боль. Как на старшем, забота о сестрах целиком лежала на мне. Я их очень любил. Даже не смерть родителей, а их смерть ножом в сердце сидела во мне все эти годы. Сейчас, думая об этом, понимал, что готов отдать все на свете, чтобы Аллах вернул мне их.

«Я был бы готов даже предать Братство», – пронеслось в голове.

От неожиданности я резко выпрямился в седле. Конь недовольно захрапел подо мной. Как такая мысль могла возникнуть? Постарался ее отбросить, но ничего не получилось – это было сильнее меня. От злости я со всей силы ударил

коня, тот резко бросился вперед и понесся не разбирая дороги. Холодный встречный ветер выл в ушах, царапал лицо, проникал под одежду.

От такой скачки голова стала проясняться. Я продолжал нестись в темноте, пока ветер и стук копыт не вытеснили все мысли.

Резко остановив коня, огляделся. Песчаная пустыня стала каменной. Я слегка отклонился.

Взглянув на звезды и определив направление, двинулся дальше. И как только мне показалось, что могу спокойно продолжать путь, так перед взором снова возникли глаза младенца, будто видел я их прямо сейчас.

Опять?

Что Всевышний хочет сказать мне этим? Почему туманит взор мой подобными видениями?

Через какое-то время, достигнув пика, бунт в моей душе все-таки улегся. Аллах явно хочет, чтобы я что-то понял... Да и кто я такой, чтобы сопротивляться Его Воле? Тот мальчик в доме телохранителя был Его посланником. Это – бесспорно.

Думая так, я почувствовал некоторое облегчение и решил перестать бороться с собой, смирившись с происходящим.

Будь что будет.

Меня вновь унесло в прошлое.

Вспомнил первое задание. Потом было еще несколько. Тогда я думал, что мне не везло – я был «долгожителем». Большинство Аллах забирал сразу. Со временем появилось даже прозвище – Бессмертный. Мой Господин говорил, что Всевышний готовит меня для чего-то более важного и весь мой извилистый жизненный путь – это подготовка. Но для чего?

Мой Господин был ставленником Аллаха на земле, глаша-таем Его священной воли.

Я стал одним из избранных, когда вступил в Братство, и давно жил по иным законам, подчиняясь только Моему Господину.

7

Внезапно обнаружил, что только сейчас я вспомнил о нем. Все, что творилось в моей голове вчера, происходило без его участия. Обычно я часто мысленно обращался к нему, ища поддержки в трудные моменты, а сейчас его образ поблек и потерял значимость. Почему-то от этого стало легче.

«В райские сады можно попасть, минуя чистилище, приняв смерть по моему непосредственному приказу», – проповедовал он.

Долгие годы это было всем, ради чего я жил и хотел умереть.

Он гарантировал вечное блаженство в райских садах взамен отданной жизни. Его дом был храмом первой ступени на пути в рай. Я бывал там. Опиум, гурии, вино – все это достанется мне по праву и навсегда.

Сейчас обещанное полностью теряло смысл. Я понял, что не хочу умирать!

Но ради чего жить?

8

*Мы ищем друг друга,
Блуждаем в пространстве.
Мы звездные дети
В убогом убранстве...*

Свет костра впереди прервал мои размышления. С большой осторожностью я приблизился и увидел разбросанные в беспорядке тела мужчин. Их было пять. Огонь еще не затух, значит, их убили недавно.

Я огляделся по сторонам, опасаясь, что те, кто это сделал, могут быть рядом. Выждав какое-то время и не увидев ничего подозрительного, я обошел стоянку.

Еще одно тело. Женщины. Она стояла на коленях, лицом уткнувшись в песок, руки распростерла перед собой. Судя по коже рук – старуха. Наверное, она умоляла о пощаде, когда ее убивали.

Изучил следы вокруг. Вывод напрашивался сам: их ограбили, женщин увели в рабство, мужчин и старуху прирезали.

Уже собравшись уходить, услышал тихий стон в стороне.

Я обнажил меч, ожидая подвоха. Другая рука непроизвольно легла на рукоять кинжала. Приблизившись к тому месту, где послышался стон, увидел грудку тряпья. Зацепив мечом похожий на хиджаб кусок ткани, я резким движением отбросил его.

Передо мной лежала молодая женщина. Она была беременна. Еще раз оглядевшись вокруг и убедившись, что мы одни, я отложил меч и встал на колени. В тусклом свете отдаленного догорающего костра разглядел порванную на плече одежду и глубокую рану. Она очнулась, когда я стал перевязывать ее. В страхе отпрянув, женщина стала молить, чтобы я не убивал. Поспешив ее успокоить, я одновременно прикидывал, что мне делать с раненой беременной женщиной посреди пустыни. Вдобавок ко всему у нее начались схватки.

9

Я не знал, как поступить. Мне захотелось просто вскочить в седло и ускакать. Так бы я и сделал еще день назад, но не сейчас. Перед моим взором вдруг возникли лица сестер, во всех деталях, как будто они были рядом.

Долго не раздумывая, я спросил у женщины, что ей нужно. Не получив вразумительного ответа, собрал все, что, в

моем понимании, могло помочь, включая почти весь свой запас воды. Потом подошел к костру и затушил его, чтобы не привлечь внимания еще каких-нибудь «гостей». Сидя в темноте, я прождал почти до рассвета, пока не услышал крик младенца.

Женщина потеряла много крови и израсходовала последние силы. Когда наконец появилась девочка, ее мать лишилась чувств. Замотав младенца в разбросанное повсюду тряпье, я не очень представлял, как действовать дальше. Но быстро развивающиеся события не оставляли времени для сомнений.

Очнувшись и поняв, что умирает, женщина из последних сил схватила меня за руку.

– Не дай ей умереть, – прошептала она, после чего ее цепкие пальцы разжались, рука безжизненно скользнула вниз.

Я бросил взгляд на тело матери. Мне вдруг показалось будто оно обьято едва заметным сиянием, которое стало подниматься. На мгновение зависнув над нами, оно улетело к звездам.

Слишком много необычного со мной произошло за последние пару дней, поэтому, не очень доверяя своим глазам, я тихо прочитал погребальную молитву.

И тут меня озарило! Так вот он, ответ на мой вопрос!

Всевышний хочет, чтобы я спас жизнь, которую держал в руках. Та, как будто услышав мои мысли, пронзительно взвизгнула. Теплая волна радости вперемешку с облегчени-

ем хлынула в мое опустошенное сердце, заполняя новым смыслом его бездонные края. От неожиданности из глаз потекли слезы.

Нужно торопиться. Шансов практически не было, но я пообещал себе, что сделаю все от меня зависящее, чтобы она жила, а там... На все воля Аллаха.

Младенец

*Груз тела брэнного
Опять носить на век.
Я возвратился.
Вновь я человек...*

«Вот я и на месте, – подумала она. – Как мне и обещали: рождение прошло намного легче, чем в предыдущий раз. Даже не сравнить».

Проверив свои голосовые связки и заодно удостоверившись, что слух тоже отличный, она постаралась настроить зрение. Попробовав несколько раз, прекратила попытки. Вокруг было еще слишком темно, поэтому она перешла на внутреннее видение, которое не нуждалось в настройке.

«Все работает и включается намного лучше и быстрее ожидаемого», – не переставала она удивляться.

Вскоре она увидела, как отделился отблеск от тела ее матери. Слегка зависнув над ними, как бы проверяя, что они

справятся, он устремился вверх, вызвав легкую грусть у новорожденной.

«До скорой встречи. Ты свою задачу выполнил», — понеслось вслед отдаляющемуся звездному отблеску.

Барьер забвения, который, как правило, полностью лишает памяти при очередном рождении, частично подействовал и на нее. Сознание еще пребывало в легком тумане. Память восстановится, торопиться некуда. Да и главная цель, с которой она здесь, сохранилась достаточно ясно.

С этим мужчиной, который держит ее на руках, сидя перед телом матери, предстоит проделать длинный путь...

Она настроилась на волну его мыслей. Сначала уловила легкую растерянность, но вскоре та сменилась на сильную привязанность и твердую решимость спасти ее во что бы то ни стало. Ее это почему-то развеселило, она попыталась рассмеяться. Вместо смеха получился пронзительный крик, который, как ей показалось, напугал мужчину, чем развеселил ее еще больше.

Тот быстро собрал разное тряпье, разбросанное тут и там, и соорудил из чьего-то хиджаба мешок. Привязав его к седлу, путник закрутил вокруг себя длинную широкую тряпку, в которую и положил младенца. Он вскочил на лошадь, и они отправились в путь.

«Ильгиза — странствующая...» — услышала вдруг голос своего спасителя одновременно с его мыслями.

«Ну что ж, соответствует», — подумала она.

До расплавленной скалы к утру они доберутся, если ехать быстро. Именно так и было — мужчина явно торопился.

Он, конечно, не знал ни про расплавленную скалу, ни про подковообразный вход, ведущий к капсулам. Об этом вообще никто не знал, кроме нескольких прибывших сюда немного раньше нее звездных отблесков. Расплавленная скала была надежно скрыта от посторонних глаз узким ущельем и неприступными горами. Караванные пути тоже лежали в отдалении.

Там знали о ее рождении и о том, кого ей нужно привести с собой.

Она проверила связь со своей звездой. Убедившись, что все хорошо, решила восстановить память, которая слегка повредилась при прохождении барьера.

«Сейчас мне нужны знания по астрономии, чтобы разобраться, куда мы движемся, и поправить маршрут», — определила она и настроилась на предыдущее воплощение, в котором была астрофизиком. Очень скоро информация мощным потоком хлынула в ее мозг, мгновенно формируя новые нейросети.

«Пока нет объяснения активности ядер галактик. Неясной остается природа квазаров. Требуется уточнения вопрос о природе ядра нашей Галактики, как двойной, сверхмассив-

ной... Сто-о-п!» – прокричала она в открывшийся звездный канал, соединивший ее мозг со всем знанием, накопленным ей в предыдущем воплощении. Информационный поток тут же прервался. «Нужно быть осторожней с запросами, а то взорвусь от перегрузки, ведь тело меньше часа живет в этом мире», – подумала она, пытаясь замедлить бешено колотящееся маленькое сердечко.

Успокоившись, повторила попытку, на этот раз точно сформулировав свой запрос: «Карта звездного неба над Аравийским полуостровом».

Перед ее внутренним взором возникло объемное изображение с названиями звезд.

«Так-то лучше, – облегченно выдохнув, она посмотрела на небо глазами своего спасителя. – Он ориентируется по звезде Янубом (Канопус) и движется на юг. Чтобы выйти на ущелье, нужно двигаться западней». Она слегка сместила на запад свет этой звезды в его сознании. «С ним пока все. Теперь я могу заняться своим новым физическим телом».

Почувствовав возбуждение от этой мысли, она принялась распрямляться и сгибаться, всю шею шевеля при этом руками и ногами. Видно слегка переусердствовав, получила легкий шлепок от своего спасителя.

«Что ж, подождем более подходящего случая», – решила она с легким разочарованием и тут же уснула.

Брана

*Бреду дорогой длинной
Сквозь забвенье.
Опять на ощупь,
В полном неведении...*

Авиалайнер шел на снижение. За иллюминатором ровный ковер белоснежных облаков, освещенный ярким рассветным солнцем, вскоре сменился на унылую, серую вату.

В этот утренний час, сидя в практически пустом салоне бизнес-класса, Брана размышляла о своей так резко меняющейся судьбе.

«Еще месяц назад я и предположить не могла, что, оставив успешную карьеру, отправлюсь путешествовать по миру. Причем маршрут этого путешествия будет выстраиваться по мере продвижения. Что со мной должно произойти в пути?» – размышляла она. Об этом в голове возникали лишь смутные представления.

«Ну что ж, так даже интересней. В непредсказуемости есть прелесть новизны».

Только она успела об этом подумать, как лайнер сильно потрянуло несколько раз, после чего он резко пошел вниз. Внутри все сжалось. Мысль о смерти молнией вспыхнула в мозгу...

«Ничего себе воздушная яма», – подумала Брана через несколько секунд, когда полет вновь перешел в горизонталь-

ную плоскость. Такого долгого падения она еще ни разу не переживала. Пытаясь восстановить пульс и дыхание, она почему-то вспомнила фразу отца, которую тот произнес в одном из последних их разговоров:

– Жизнь – это не короткий отрезок между рождением физического тела и его смертью, а нечто большее. Она преисполнена Великим Смыслом! Тебе он раскроется, когда ты осознаешь, что рождалась не единожды!

«Фраза как раз в тему, – с легкой досадой подумала Брана. – Как бы мне этот Смысл не открылся прямо сейчас, а заодно пассажирам и бортовому персоналу».

– Не думаю, что составлю серьезную конкуренцию всем тем философам, которые уже искали Великий Смысл до меня, – отшучивалась Брана в том разговоре с отцом.

Он спокойно ей возразил тогда:

– Многие философы хотели раскрыть цель человеческого существования, основываясь на одном коротеньком отрезке времени под названием человеческая жизнь. Словно человек заходит в комнату на десять минут и решает, что жизнь возможна только внутри этого пространства. Оглядываясь вокруг, он пытается найти цель своего пребывания в комнате, не учитывая при этом свой предыдущий опыт посещения бесконечного количества подобных комнат. Он периодически поглядывает на дверь, трепеща от страха перед тем, что таится за ней.

Отец улыбнулся своей едва заметной, загадочной улыб-

кой, словно знал нечто известное лишь ему.

– Но у них и на самом деле не было никаких доказательств существования за пределами той «комнаты», в которой они находились, – возразила Брана.

– А вот тебе скоро такие доказательства представятся. Ты обнаружишь множество «комнат», в которых проживала такую же полноценную жизнь, как и сейчас, – обнадежил он дочь.

– А что с ключами от дверей? – в шутливой манере продолжила она тот странный диалог.

Воздушное судно опять дернулось и резко ушло вниз, словно показывая, что для данной «комнаты» ключи не понадобятся – дверь от нее и так может распахнуться в любую минуту.

13

Динамик голосом пилота вдруг сообщил, что они вошли в зону турбулентности.

«Мог бы сказать об этом и раньше», – подумала Брана, немного успокаиваясь и машинально поправляя непослушный локон густых черных волос.

До гибели отца она и сама жила в подобной «комнате» из его примера, особо не беспокоясь о «двери», разве что в очень юном возрасте. Смерть матери впервые столкнула ее с пониманием скоротечности земной жизни. Но ненадолго.

Отец вместе с дедушками и бабушками окружили ее такой заботой, что она со всей уверенностью могла сказать о своем детстве как по-настоящему счастливом.

Ее стал манить космос, его необъятные глубины с бриллиантами загадочных и далеких светил. Проявляться этот интерес начал после ухода матери. Ей хотелось верить, что мама не умерла, а, оставив тело, поднялась к звездам и там превратилась в одну из них. Отец, слушая подобные высказывания маленькой дочери, не опровергал их. Брана каким-то обостренным детским чутьем чувствовала, что делалось это не из жалости. Он на самом деле частично разделял ее взгляды, утверждая, что каждый человек намного старше, чем сам себе кажется, и звезды имеют к этому прямое отношение. Отец всячески поддерживал интерес дочери, что в результате вылилось в ее научную степень по астрофизике.

Усовершенствование существующей трехмерной модели Вселенной – это чем Брана занималась последние годы. И вот совсем недавно она впервые за свою жизнь ощутила какую-то необъяснимую наполненность этой Вселенной, которая всегда казалась такой необъятной для ее ненасытного интереса. Она стала задумываться, что ей нужен какой-то иной уровень и иные инструменты для постижения космоса. Но что это за уровень и что за инструменты, она не знала. Поэтому последний разговор с отцом, каким бы он ни казался в высшей степени странным, случился, может быть, кстати. Желание отца, чтобы она оставила карьеру и отправилась

в странствия, не вызвало в ней острого неприятия.

«Все-таки как тонко он меня чувствовал», – подумала она, и слезы ненароком выступили на глазах.

Честно говоря, всю сознательную жизнь Брана интуитивно чувствовала, что ей как будто дали передышку перед чем-то очень важным. Столь важным, что никакая самая богатая на впечатления человеческая жизнь охватить не в силах. Вполне возможно, та последняя встреча с отцом была отметкой, после которой передышка закончилась.

В детстве ей часто снился один и тот же сон, в котором девушка видела пустыню, старинные города, людей с вытянутыми головами, слышала стук копыт и детский плач. При чем всегда где-то рядом маячил мужской силуэт, с которым она чувствовала некую космическую связь. Но его лицо Брана никак не могла рассмотреть.

В последние несколько лет ее сны дополнились какой-то иной реальностью. Это был фантастический, подводный мир. Она в небольшом аппарате плывет внутри гигантской пещеры, каменный свод которой ниспадает вниз светящимися по периметру шестиугольниками. Проникнув в один из них, девушка видит огромную модель Вселенной. Вокруг разносится потрясающей красоты органная музыка. И вновь тот же мужской силуэт, что и во снах про пустыню. Но и здесь ей тоже не удается разглядеть его лица.

«Необходимо его отыскать», – эта нелепая, казалось бы, мысль не покидала Брану с тех пор, как она впервые увидела

сон с тем образом. Уже будучи взрослой, она все равно продолжала чувствовать потребность, чтобы найти в реальной жизни носителя силуэта. В обход здравому смыслу у Браны недавно стали закрадываться подозрения, что именно отец поможет ей в поисках, что своими снами она не делилась ни с кем, даже с ним.

Что-то внутри нее подсказывало, что родитель знает нечто, в сравнении с чем все ее знания будут выглядеть дождевой каплей на фоне океана.

Она вспомнила, как в детстве случайно оказалась незамеченной свидетельницей очень странной беседы ее отца с каким-то гостем. Он запомнился своей полнотой и продолговатым шрамом, спускающимся на щеки. Ей несвойственно было подслушивать, но что-то в тот раз удержало на месте. Это было больше, чем обычное любопытство ребенка.

Мужчина активно жестикулировал и казался очень уверенным. Брана прислушалась, и до нее стал доходить смысл сказанного. Очень странный смысл.

– А ты не думал, что это естественный процесс, а не аномалия? – говорил человек со шрамом. – Вселенской мозг эволюционирует, и именно мы являемся следующей ступенью этой эволюции. Вы – устаревшее звено, которое исчезнет или превратится в нас. Ты не в силах повернуть это вспять, как бы ни старалась вся ваша звездная цивилизация отблесков. Этот мир тебе и таким, как ты, не понять. Это мы его строим.

– Точнее, разрушаете построенный нами, – жестко ответил отец. – Все, что ты и твои космические собратья делаете, так это продолжаете создавать кошмар на обломках рая. Скоро и обломков не останется. Когда человеку снятся кошмары, это значит, его психика больна. То же самое происходит с мозгом Вселенной. Ты и подобные тебе являетесь вселенской болезнью, которую мы вылечим. Хотите вы этого или нет.

Гость стал издавать хрипящие звуки и подниматься в воздухе. Впечатление было такое, будто его подвешивают на невидимой веревке.

– Я могу отправить тебя на очередное перевоплощение, но это не исправит ровным счетом ничего. Убирайся вон.

После этих слов неведомая сила освободила мужчину, и он грузно опустился на ноги. Лицо из пунцово-красного возвращалось к нормальному цвету.

– Твой приступ ярости говорит о твоей беспомощности, – тихо прохрипел гость.

– Ты думаешь, что меня понимаешь? – голос папы прозвучал более чем угрожающе. Лицо мужчины выражало напряжение. Отец громко рассмеялся: – Продолжай пребывать в иллюзии.

Гость ушел, но Брана так и не решилась спросить, кто это был и как так произошло, что гость повис в воздухе. Таким, как тогда, она видела отца первый и последний раз.

Чем на самом деле он занимался?

Судя по всему, ей в этом еще предстояло разобраться.

Пассажир

«Разберусь, если самолет долетит, а не развалится из-за этой тряски», – нервно подумала Брана, когда в очередной раз трянуло так, что, казалось, отвалятся крылья.

– Вы тоже сомневаетесь, что мы долетим? – вдруг прозвучал голос слева, вторя ее собственным мыслям. Через проход от нее, на той же линии кресел, уселся лысоватый мужчина средних лет. – Вы не против, если я присяду? Салон пустой, совсем одному сидеть страшно, а трясет так, что желудок может запросто выскочить изо рта, причем выбив зубы. – Мужчина нервно хихикнул. Он говорил на английском с легким испанским акцентом. Брана улыбнулась комичности сравнения, приведенного незнакомцем.

– Вы и так уже присели, – как можно спокойней ответила Брана, видя по испарине на лбу и напряженному взгляду, что человек на самом деле здорово напуган, хотя храбрится и пытается шутить.

– Как вам может быть не страшно? – поинтересовался он.

– Почему вы так решили? Я тоже боюсь.

– Неправда. У вас взгляд бесстрашного человека. Поэтому я и решил подсесть именно к вам, несмотря на то что вы очень красивая, а я боюсь красивых женщин. Видимо, когда один из страхов зашкаливает, другие исчезают.

Брана несколько мгновений вглядывалась в мужчину пристальным взглядом, а затем рассмеялась. Слишком нелепо он выглядел, чтобы подобным образом пытаться с ней флиртовать. Судя по всему, он говорил правду.

– Вот видите, я вас рассмешил. Обычно я на такое не способен. Говорят, женщины в мужчинах ценят юмор. Думаю, если меня тряссти в самолете на высоте десяти километров в окружении красивых женщин, я автоматически стану сердцеедом.

Брана опять рассмеялась, и мужчина присоединился к ней, но очередной легкий толчок резко оборвал его смех. Побледнев, он вцепился пальцами в подлокотники.

– Я очень боюсь высоты, – заявил незнакомец охрипшим голосом. – Эта тряска с воздушными ямами сводит меня с ума.

– Успокойтесь. Мы, похоже, уже вышли из пика турбулентности. Чем вы занимаетесь? – Брана постаралась отвлечь его последним вопросом.

– Точно не парашютным спортом, – вновь попытался он сострить.

Бране понравилось, что этот человек, несмотря на жуткие приступы страха, еще пытается подшучивать над собой.

– Работа у меня довольно подвижная. Несколько профессий, – сказал мужчина довольно уклончиво и сразу перевел тему разговора на Брану.

– А вы, судя по внешности, наверное, актриса? – Задав

этот вопрос, он тут же смущенно добавил: – Меня, кстати, Стив зовут.

15

Она отметила, что ее новому знакомому постепенно становится легче. Турбулентность осталась позади. Ее не смущало, что Стив не захотел распространяться о своей работе. «Мало ли чем человек занимается. Может, он секретный агент на задании?» – подумала девушка.

– Брана, – представилась она и улыбнулась своей последней мысли. – Мне скрывать нечего. Я астрофизик, – ответила она.

– Ух ты, это, должно быть, очень интересно. А что вы собираетесь делать в Мексике? – Стив сделал вид, что не обратил внимания на ее «скрывать нечего».

– Я лечу туда по поручению отца, в научных целях.

– Ваш отец тоже ученый?

– В некотором смысле... Мне он рассказывал, что занимается нейротеологией, хотя я предполагаю, это было лишь одно из направлений, и, скорее всего, не главное.

– Это что-то связанное с мистикой? – слегка удивленно спросил новый знакомый.

– Вероятно, с влиянием на мозг мистического и религиозного опыта.

– Он, наверное, очень хорошо разбирался в различных

культурах, – заметил Стив.

– И в древней архитектуре, – подтвердила, дополнив, Брана. – В его голове вмещалось огромное количество всевозможных знаний.

– О, древних строений у нас много. Различных стилей и эпох. Интересно, что он мог бы сказать о всех постройках, что выполнены по неизвестным нам технологиям и в труднодоступных местах?

– Отец придерживался мнения, что некоторые строения предыдущих цивилизаций были полностью взаимозависимы с расположением звезд на небе. И не только в Мексике, а по всему миру.

– Ну это известный факт. И в чем заключалась их взаимозависимость, по версии вашего отца?

Бране показалось, что в голосе Стива прозвучал настоящий интерес, а не праздное любопытство или желание поддержать беседу. Девушка обратила внимание, что у ее нового знакомого шрам на скуле, спускающийся на щеку и совсем не вписывающийся в общий облик этого человека.

«Интересный типаж, кого-то он мне напоминает», – подумала она, продолжая говорить и одновременно изучать мужчину.

– Древние постройки были устройствами, способными как-то трансформировать звездный свет в звук и наоборот. Ведь свет измеряется в тех же единицах, что и звук, только с приставкой «тера». Другими словами, свет – это ультразвук

огромной интенсивности. Звезды отец вообще считал следующей ступенью развития человека, и они – звезды – каким-то образом, по его мнению, напрямую связаны с нашей нервной системой.

К своему удивлению, Брана обнаружила, что Стив очень внимательно слушает. Честно говоря, она втайне надеялась, что тому быстро наскучит ее заумное разглагольствование и он оставит ее одну, но мужчина не собирался уходить.

– Это, в свою очередь, вызвало у меня огромный интерес к космосу, который затем проявился в выборе профессии, – завершила она мысль.

– И правда, очень необычная теория у вашего отца. С такой я не сталкивался, хотя слышал множество всевозможных версий, – Стив это произнес в некой задумчивости, словно на самом деле перебирал архив различных теорий в своей памяти.

16

Этот человек вызывал у Браны смешанные чувства. С одной стороны, он интересовался или делал вид, что интересуется, достаточно нетривиальными темами и, судя по всему, что-то о себе недоговаривал. С другой стороны – выглядел уж слишком стандартно: от внешнего вида до эмоций, отображающихся на его лице. Это несоответствие ее слегка смущало. Он явно выдавал себя не за того, кем хотел казаться.

Да и этот шрам на полщеки. Хотя чисто теоретически травму может получить любой человек.

«С чего это я такая подозрительная? – прервала она себя. – Мужчина обратился за помощью, он приятный в общении, с чувством юмора. Нечего напрягаться».

– Ваш отец серьезно настаивал на своих предположениях? – задал вопрос Стив.

– Несмотря на всю свою эрудицию и знания, отец никогда не настаивал на истинности предлагаемых им теорий, – ответила Брана. – Мало того, он всегда утверждал, что это лишь его предположения, и мне в будущем предстоит сделать свои собственные, основанные на личном опыте, логике и фактах. «Старайся сама увидеть, что там, за горизонтом событий, а не слепо верить словам других, даже моим», – звучало каждый раз, как только я была склонна безоговорочно поверить ему.

– Кроме образования, ваш отец обладал мудростью. Редкое сочетание в наше столь непростое время, – отметил Стив.

– Мне кажется, в нем было нечто большее, – сказала девушка. – Интуитивно я ощущала, что отец обладает не теоретическим набором интеллектуала, собирающего всякую всячину в ячейки хорошо натренированной памяти. За его знаниями крылась какая-то необъяснимая, притягательная сила, суть которой будоражила во мне любопытство, а иногда пугала.

Брана остановилась.

– Что-то я разговорилась, – спохватилась она, удивляясь внезапно охватившему ее желанию поделиться с этим незнакомцем. – Вам, возможно, совсем не интересно меня слушать, а я навязалась со своими воспоминаниями.

– Все нормально. Вы ведь мне помогли. Видите, я уже не трясусь. – Стив вытянул руки в сторону Браны. Пальцы были практически неподвижны. – Вам, видимо, нужно что-то понять об отце. Для этого лучше всего поговорить с незнакомым человеком. Когда его не стало?

– Откуда вы знаете?

– Вы о нем в прошедшем времени говорите.

– Ах да, – рассеянно произнесла Брана и задумалась.

– Что же вы остановились? Продолжайте, – ободряюще произнес Стив после небольшой паузы.

– Вы правы, – согласилась она. – Мне нужно многое понять об отце.

После паузы продолжила, словно рассуждала сама с собой:

– В дополнение ко всему экстраординарному, что каким-то чудом укладывалось в уникальную мозаику его мировоззрения, соединяющим фундаментом этой мозаики являлась идея о Вечном Сознании, обитающем в звездах.

– В звездах? – переспросил попутчик. – И поэтому вы стали астрофизиком? Чтобы найти в них Разум?

– Отчасти. – Брана улыбнулась и вновь поправила непослушные волосы.

– Но, насколько я знаю, современная наука занята сугубо материальной составляющей нашей Вселенной. Или я ошибаюсь?

– К сожалению, вы правы. Современный подход, причем не только в астрофизике, но и в других областях науки, нуждается в кардинальном пересмотре. Это не только мое мнение.

– Я должен вам сказать, что мои глаза находятся в конфликте с ушами. Такая красавица рассуждает о таких серьезных темах.

– Перестаньте, это в вас говорят древние предрассудки, – тут же отшутилась Брана, привыкшая к подобным реакциям противоположного пола.

– И все-таки, как вам удастся сосредоточиться на науке, когда за вами наверняка увиваются толпы ухажеров? – не захотел принимать подобное объяснение Стив.

– Женский ум в сочетании с красотой заставляет бояться. Вам разве это неизвестно?

Стив добродушно рассмеялся.

– Вы абсолютно правы. Уж кому, как не мне, это знать. И чем тогда являются звезды, если, по мнению вашего отца, они – вместилища Сознания? – вернулся он к прерванной

теме, точностью формулировки немного удивив Брану.

– В вашем вопросе и есть ответ, – коротко ответила она.

– Да уж, с вами непросто. – Стив задумался. – И как подобный вывод может повлиять на жизнь обычного человека?

– Этот ваш «обычный человек» перестает считать себя случайно появившейся в этом мире биологической массой, задачи которой – выживание и удовольствия.

Стив рассмеялся. В его смехе присутствовали нотки облегчения. Тряска полностью прекратилась, облачность осталась наверху.

– Я думаю, никто себя не считает биомассой.

– Люди не объективны в оценке себя, – улыбнулась Брана.

Стив вновь рассмеялся:

– Вы мудры не по годам. И кем же люди начинают себя считать, если не биомассой? Звездами? – продолжая улыбаться, предположил он.

– Возможно. Я не знаю, – честно призналась девушка. – Отец лишь пообещал мне, что я это непременно выясню.

– А сам он знал?

– Абсолютно в этом уверена. Какой бы загадкой он для меня ни оставался, я очень хорошо его знаю.

Стив улыбнулся противоречивому высказыванию Браны, из уст которой это прозвучало естественно.

– Но вы ведь не считаете себя биомассой?

– Я могу ошибаться в собственной оценке так же, как и другие, – абсолютно искренне ответила она. – Учитывая, что

я не чувствую в себе ничего особенного, вполне возможно, я такая же, как и большинство.

– Человека определяет не то, кем он себя считает, а то, какие цели он преследует, – подметил собеседник.

– Мои цели мало чем отличаются от целей обычных людей.

– Не думаю, что обычные люди хотели бы достичь высот в астрофизике и найти звездный разум, – возразил Стив.

– Это уже давно не основная моя задача. Да и вообще, многое зависит от окружения, – улыбнулась Брана.

– О да, от него многое зависит. И чем подвижно ваше?

– Сделать успешную карьеру, создать семью, посмотреть мир – стандартный набор личности. Основной пик планирования приходится на молодость, затем это напоминает плавание по течению. Человек задумывается о будущем лишь по мелочам. Отец говорил, что подобные цели, конечно, лучше, чем отсутствие вообще каких-либо, но в конце концов они заставляют жить в очень короткой перспективе. Редко кто продолжает строить планы на годы вперед, когда в рамках так называемого биоинтеллектуального аппарата жизнь налаживается. Акцент в этом соединении ставится больше на «био», чем на интеллект. Но это сугубо мои субъективные наблюдения.

– Большинство вообще ничего не планирует, даже если их жизнь налаживается. Мой скромный опыт говорит, что человек начинает серьезно задумываться о будущем, если оно

его пугает. Причем сильно, – отметил Стив с какой-то холодной уверенностью, сделав акцент на последнее слово. В его взгляде промелькнуло нечто, в чем чувствовалась способность заставить любого задуматься о будущем. В Бране опять проснулась притихшая недавно настороженность.

– И в какой перспективе, по мнению вашего отца, необходимо учиться людям размышлять?

– На сто, двести, тысячу лет вперед.

– Да уж, – медленно произнес Стив. – С точки зрения отдельной личности этот вопрос не имеет никакого смысла, – казалось, он разделял точку зрения собеседницы. – Редко кто смотрит на жизнь в дальней перспективе, а в категориях, превышающих сроки человеческой жизни, не рассуждают даже главы государств, – подытожил он.

– Как считал мой отец, основная проблема нашей цивилизации – это подобное недальновидное отношение к жизни, а возникло оно из-за утерянного знания о звездах.

– А может, наоборот – не проблема, но достижение? Чрезмерная ответственность лишает радости бытия.

– Особенно глав государств, – вставила Брана.

На что ее собеседник весело рассмеялся.

– Точно подмечено, – согласился он. – Даже не представляю, как могла бы сложиться моя жизнь, если бы я принимал решения, опирающиеся на цели за чертой, обозначающей конец моей биологической жизни, – глубокомысленно изрек Стив, интонационно выделив слово «биологической»,

и продолжил в том же стиле: – Какими же эти цели должны быть? Наверное, очень масштабными? Как у Чингисхана, например... – Он рассмеялся. – Хотя вопрос, скорее всего, нужно задать другой: что я могу взять за черту смерти, чтобы на этой основе строить цели? И что это будет за «я»? Может, оно видоизменится до неузнаваемости и превратится в звезду, согласно версии вашего папы? Или вообще исчезнет?

– Вы рассуждаете так, будто верите, что со смертью ничего не заканчивается... – слегка удивилась Брана. Этот вывод она сделала по той очередности, в которой были озвучены вопросы. «Исчезнет ли „я“ вообще», – прозвучало в конце. Своей интонацией Стив придал вопросу оттенок несущественности.

– Насколько мне известно, слово «верите» не совсем из лексикона ученых? – уточнил он.

– Да, но речь о вас, не обо мне, – тут же парировала Брана. Стив лишь загадочно улыбнулся:

– У меня дед по материнской линии был шаманом. Он придерживался древней традиции толтеков. Я с ним часто общался в детстве и от него узнал много интересного о так называемой магии. Повзрослев, я, конечно, понял, что как таковой магии не существует, есть лишь глубокое знание человеческой природы и умение манипулировать ею. Он знал о моем страхе высоты. Видимо, поэтому и подтолкнул меня к карьере, которая вынудила меня регулярно летать. Он говорил так: «Чтобы победить свой страх, с ним надо постоянно

встречаться. Длительная разлука с ним сделает из тебя труса и разрушит твой разум».

– Ну и как, победили? – поинтересовалась Брана.

– Издеваетесь? – с шутливой обидой спросил Стив и добавил уже серьезно: – Могу сказать, что мы привыкли друг к другу. Я смирился со своим страхом как с неизбежным и переживаю его уже не так остро, как раньше. Но последнее время стал чувствовать, что наши с ним отношения зашли в тупик. – Стив улыбнулся и спросил неожиданно: – А что ваш отец думал о бессмертии физического тела?

Брана задумалась на миг.

– Бессмертие он никогда не ассоциировал с телом, насколько мне известно. Он утверждал, что бессмертие является свойством сознания, но это понятие незаслуженно размешали с мистикой и слепой верой, превратив в иллюзию. От этого человек стал думать, что смерть физического тела распространяется и на сознание, подчиняя его физическим законам времени. Таким образом, мы оказались заключенными в тюрьме из собственных страхов под названием «предчувствие конца».

Стив грустно усмехнулся:

– Это я и пережил несколькими минутами ранее. Предчувствие конца было предельно ясным. – Он нахмурился, словно прилагал усилие, что-то выуживая из закоулков своей памяти. Через секунду с наигранным пафосом он произнес: – «Ты должен стать воином, а для воина предчувствие

смерти – лучший советник» – вот слова моего деда.

18

– Надо же! – удивилась Брана. – Вот так случайно встретить человека, с которым можно свободно рассуждать о жизни и смерти. У вас в Мексике все такие?

– Нет, конечно, – рассмеялся Стив. – Видимо, вам сейчас нужен был собеседник, подобный мне. С кем бы вы еще могли поговорить о своем отце и пофилософствовать о смысле жизни? Мой дед учил меня: если внимание фокусируется на чем-то конкретном, это конкретное возникает в жизни, минуя законы логики и элементарную статистику. Вполне возможно, наша встреча и является доказательством этого утверждения. Хоть и пахнет мистикой, – улыбнулся Стив.

– Я думаю, ваш дед и мой отец нашли бы общий язык, – уверенно произнесла Брана.

– Не сомневаюсь, – отвечал он. – Мне и самому еще многое предстоит понять о своем непростом родственнике. – Он встал. – Ну что же, спасибо за вашу поддержку в трудные для меня минуты и интересную беседу. Полагаю, вы хотели бы побыть наедине со своими воспоминаниями, поэтому не буду вам мешать.

Стив улыбнулся и прошел в другую часть салона. Брана не стала его останавливать. Ей все еще хотелось побыть одной.

В голове возник образ отца и тут же зазвучала Хоральная прелюдия фа минор – одно из его любимых произведений, так же как и ее.

Впервые она услышала ее в Кельнском соборе. Буквально с первых звуков органа тело девушки превратилось в неподвижное изваяние и как будто стало частью окружавшей величественной архитектуры. Непревзойденная красота, созданная средневековыми мастерами, превратилась в портал, освободивший ее разум от тягот гравитации. А музыка, нота за нотой, уносила ее прочь от земли, лишая границ и растворяя сознание в свете далеких созвездий. Звезды казались столь близкими и знакомыми, что хотелось остаться среди них навсегда. Пока звучала музыка, это было возможно.

«Человеческое сознание, перерождаясь и путешествуя от жизни к жизни, вновь и вновь теряет физическую форму, каждый раз погружаясь в нечто, в нашем представлении отдаленно напоминающее звезду», – в унисон музыке и ее мыслям прозвучал тихий голос отца. Смысл сказанного как нельзя лучше дополнил то, что чувствовало ее сердце, вошедшее в резонанс с этим величайшим произведением и его визуальным продолжением в очертаниях внутреннего пространства собора, словно творимого заново с каждым возникающим звуком.

«Когда-нибудь ты осознаешь, что звезда – это твоя суть. Именно тогда перед тобой раскроются тайны Вселенной».

Почему-то эти загадочные слова отца прозвучали в тот момент естественным откровением, запечатлевшимся в памяти на долгие годы.

Звезды, по его мнению, были не материальными объектами, а многоликим живым сознанием, воспринимаемым человеком лишь в качестве искорок света в ночном небе.

Полтора часа музыки Баха пролетели как один миг, в котором Брана проникла в иное измерение чувств и смыслов, находящихся бесконечно далеко, за пределами обычного восприятия. Это измерение позже станет камертоном для ее разума, устремившегося исследовать необъятный космос. Центральная ось, пронизывающая основы ее личности, именно в тот день обрела звенящую, металлическую вибрацию.

Неожиданно Брана обнаружила, что и сейчас движима поиском смыслов, соприкоснуться с которыми ей посчастливилось тогда, в далеком детстве.

В обрамлении средневековой архитектуры и божественных звуков органа слова отца звучали так убедительно, что не нуждались ни в каких доказательствах.

– Тебе предстоит через многое пройти в этой жизни, чтобы реализовать свое Предназначение, – говорил отец, когда они вечером сидели в уютном кафе на берегу реки, отдыхая от полученных впечатлений. Расположенный на высоком

холме замок, окруженный речными пасторальными пейзажами, был следующим местом их посещения.

– В чем заключается Предназначение?

– Это будет открываться тебе по мере того, как научишься доверять своей природе и сознательно проявлять ее.

– А как я узнаю, что проявляю именно ее? – вопрошала она.

– Твоя природа будет всегда противоречить установленным правилам, где бы ты ни находилась. Чтобы ее проявлять, нужен бунтарский дух. В тебе он есть. И держи людей на расстоянии, тогда твое мнение и самооценка будут мало зависеть от их пожеланий.

Сердце Браны было открыто мудрости этих слов, и вовсе не оттого, что их сказал самый родной человек. Держать людей на расстоянии было свойственно ей. Она достаточно рано почувствовала силу, которой обладает и которая отпугивает в той же мере, что и притягивает.

Пронзительный взгляд ее темных, больших глаз уже в раннем возрасте мог вывести из равновесия кого угодно. Высокие скулы, слегка заостренный подбородок, тонкий нос и высокий лоб придавали ее лицу выражение хищницы. Особенно когда она была сильно сосредоточена или злилась. Чувственные, полные губы добавляли естественного контраста в облик амазонки. И все это в обрамлении черных как смоль волос. Ее тело было под стать лицу, ничего лишнего – генетика в сочетании с частыми походами с отцом в горы. Брана

физически была очень выносливой и неприхотливой в быту.

«В твоей жизни всегда должна присутствовать цель, которая вдохновляет так же сильно, как и пугает!» – слова отца точно отражали суть ее характера, добавляя в него необходимую остроту. Эту истину она тоже усвоила очень рано. Без страха нет преодоления, а без преодоления цель не является настолько сложной, чтобы для ее достижения использовать все ресурсы своей личности и в конце концов выйти за ее границы.

На определенном этапе своего взросления, сравнивая себя с другими представительницами женского пола, Брана стала замечать, что ее характер имеет больше мужских качеств, чем женских. Какое-то время это ее слегка смущало, но достаточно быстро она поняла причину. Всех мужчин в своем окружении Брана невольно сравнивала с отцом, и, конечно же, те сильно проигрывали, мягко говоря. Чтобы раскрыть свою женскую природу, ей нужен был тот, кто хоть отдаленно мог приблизиться по внутренней силе к ее идеалу.

Никого подобного в окружении не было, поэтому, став взрослой, Брана научилась выходить из положения, придумав себе некий виртуальный образ и надевая его на мужчину, который попадал в зону ее внимания.

Такие отношения заканчивались довольно быстро, так как выдуманный образ вскоре разбивался, сталкиваясь с реальным. С каждым подобным опытом она все сильнее хотела отыскать владельца того мужского силуэта из ее снов. Она

чувствовала исходящую от него силу, которая ощущалась ею как очень древняя и в то же время способная пронзить будущее на тысячелетия вперед. По мощи эта сила была не меньше, чем сила отца.

Конечно, Брана отдавала себе отчет, что это может быть лишь ее фантазия, сон, а в реальном мире подобного нет. Но как бы ни были сильны ее сомнения, что-то подсказывало не терять надежду.

20

Она серьезно занялась наукой. Как у природы увлеченной, ее внимание с темы взаимоотношений почти полностью переключилось на исследовательскую работу.

Характер в сочетании с воспитанием сделали свое дело. Брана умела мыслить самостоятельно и не принимать на веру спорные для нее доводы, вне зависимости от авторитетности источника. Она понимала, что почти вся астрофизика построена на гипотезах. Проверить большинство явлений не представлялось возможным в силу гигантских размеров и расстояний, поэтому Брана допускала, что все ее знания могут оказаться лишь миражом. Пусть хорошо продуманным и математически обоснованным, но все-таки миражом. В настоящее время реальность, которую описывала астрофизика, была самой правдоподобной и наиболее изучаемой. Но самое главное: она всегда была влюблена в звезды, и эта лю-

бовь со временем лишь усиливалась.

Внезапная смерть отца стала для Браны не просто трагедией, а временной отметкой, после которой ее жизнь кардинально изменилась.

По стечению обстоятельств за несколько дней до этого она взяла отпуск и приехала к бабушке с дедушкой, где застала и отца. В один из дней они вдвоем уехали далеко от дома и, оставив машину, еще несколько часов шли по безлюдной гористой местности. Брана как будто погрузилась в детство, в те дни, когда очень любила длинные пешие прогулки на природе. В последнее время она не могла себе их позволить из-за загруженности на работе.

Достигнув одинокой скалы, величественно возвышающейся над раскинувшимся лесом, они решили разбить палатку и заночевать. На следующее утро состоялся крайне необычный разговор.

Впервые отец показал ей прибор, название которого было столь же необыкновенным, сколь и последующее объяснение его предназначения.

– Это линейный нейронавигатор звездных импульсов, структурирующий пространственно-временные завихрения, или сокращенно – нейронавигатор, – серьезно произнес отец.

У прибора также было и древнее название – философский камень.

Для Браны стало полным сюрпризом, что отец затронул

такую тему, как алхимия. В их беседах он никогда ее не упоминал. Поэтому Брана удивилась еще больше, когда он заявил, что алхимия являлась серьезной наукой. Брана относительно туманно представляла себе эту так называемую науку. Средневековые ученые искали философский камень для превращения других металлов в золото и для создания эликсира бессмертия – это все, что она знала. В ее представлении алхимия являлась смесью колдовства, астрологии, шарлатанства и средневековой химии.

– Так и было в большинстве случаев, – согласился отец и тут же пояснил, что лишь настоящие алхимики, среди которых единицы, по сравнению с их средневековыми подражателями, были посвящены в тайны бытия. Они понимали природу времени и умели манипулировать им.

Бране было странно слышать это, но больше всего ее поражал факт, что раньше отец об этом не говорил.

Философский камень

Вскоре отец подытожил монолог фразой:

– Философский камень существует.

После этого в его руках возник шестигранный футляр, сделанный из какого-то черного металла с неизвестным логотипом в центре. Он открыл его. На бордовом бархате лежало потрясающей красоты ювелирное изделие, в центре которого возвышался черный, пирамидальной формы, достаточ-

но крупный бриллиант. Дизайн изделия был крайне необычен.

Такую форму Брана видела впервые. Она подумала о втором, современном, названии устройства. Не менее экстраординарном, чем первое.

– А почему философский камень ты еще назвал нейронавигатором звездных импульсов? Он каким-то образом воздействует на нейроны? И что еще за звездные импульсы?

– Нейроны, точнее вся нервная система человека, являются физической конфигурацией сознания звезды. Как там у древних египтян? «Мы можем видеть только лик звезды, но не ее тело». Или наоборот... – Отец улыбнулся. – Другими словами, звезды – это не материальные объекты, подвешенные в пространстве, а нечто абсолютно иное, отличное от любых современных представлений о них. Звезды для Вселенной – все равно что нейроны для головного мозга. Они – творцы этого мира. Мы лишь их фантазия, поэтому видеть их не можем. Так же как не можем видеть собственные нейроны. Я понимаю, для астрофизика такие речи равносильны утверждению, что воздух твердый.

– Хуже, – согласилась Брана.

– Как бы странно это ни звучало, – он никак не отреагировал на замечание дочери, – человек есть лик звезды по терминологии древних египтян. Но этот лик можно развернуть к телу. Тогда все измерения звезды станут доступны для восприятия.

Отец остановился, позволяя Бране «проглотить» услышанное и задать напрашивающийся вопрос, прозвучавший через какое-то время:

– И как это выглядит на практике?

– При определенной настройке нервной системы твое внимание может перемещаться из физического мира в мир надфизический, трансформируясь в звезду, затем проделывать тот же путь обратно. Нейронавигатор не только открывает возможность для этих перемещений и трансформаций, но и позволяет создавать иные реальности, полноценно проживая их.

– Звезды не материальны? Это похоже на розыгрыш, – вслух подумала Брана, глядя на отца.

– Все более чем серьезно. Звезды – это живое сознание. В совокупности они взаимодействуют друг с другом, как нейроны в головном мозге человека, с одной лишь разницей – масштаб другой, мягко говоря.

– То есть все, что я вижу, не существует? Это всего лишь чья-то фантазия?

– То, что ты видишь, является одним из бесконечного множества слоев реальности. Как ты называешь этот слой: фантазией, реальностью, материальным миром, – совершенно не важно. На данный момент твое восприятие настроено на него. Меняя настройки, можно увеличивать количество воспринимаемых тобой слоев. Скоро теория перейдет в практику, и ты постепенно сама во всем разберешься.

Мужчина закончил с теоретической частью и перешел к устройству прибора...

Брана полностью погрузилась в воспоминания, сидя в самолете.

Она слышала слова родителя, словно они звучали прямо сейчас.

– Это ртуть, заключенная в горный хрусталь, – указал отец на самую близкую к бриллианту закругленную камеру. – А здесь находится органика, – показал он на следующий виток горного хрусталя.

Не дожидаясь вопроса дочери, он объяснил, что органика – не что иное, как перепрограммированные в нейроны клетки кожи – фибробласты того человека, который решает использовать философский камень. Нейроны находятся в среде, соответствующей для их жизнедеятельности внутри хрусталя.

Отец перевернул прибор. Брана увидела золотой механизм, похожий на часовой и такой же миниатюрный.

– Это вечный двигатель, – просто сказал отец и пальцем крутанул небольшой выступ на основной шестеренке. Шестеренка завращалась, ускоряясь и постепенно обретая постоянную скорость. На вопросительный взгляд дочки он ответил: – Ничего сложного. Особое расположение магнитов создает постоянный момент вращения, ртуть тоже начинает вращаться.

Вновь перевернув прибор, мужчина показал на золотые

завитки, удерживающие кольца хрусталя вместе с их содержимым:

– Уникальная форма их изгиба в сочетании с горным хрусталем создана не столько для эстетического наслаждения, сколько для максимального усиления торсионного поля, создаваемого вращением. Бриллиант фокусирует торсионное поле, превращая его в некое подобие направленного луча. Его можно заменить другим кристаллом, чтобы поменять направление и сам характер излучения.

22

Брана привыкла к необычным теориям отца, но он никогда не настаивал на их истинности. Мало того, убедительно просил:

– Пока не увидишь доказательств, не отбрасывай сомнения, возникающие от моих утверждений.

Сейчас, судя по всему, и будет первое доказательство с практическим применением, иначе зачем показывать устройство? До этого момента отец не демонстрировал никаких приборов и не рассказывал о столь «антинаучном» принципе их работы. Одно его заявление, что звезды не материальны, чего стоит!

По мере того как Брана слушала, у нее усиливалось несогласие с услышанным. Все-таки она была ученым.

Современная наука имеет четкие границы. Бране было тя-

желю отвергнуть постулаты, укоренившиеся в сознании и являющиеся бесспорными аксиомами для любого современного ученого.

«Вечный двигатель существовать не может» – одна из аксиом.

«Торсионные поля, которые могут распространяться со скоростью, в миллиарды раз превышающей скорость света, по мнению тех, кто якобы их обнаружил, тоже противоречат законам современной физики».

Преобразование обычной клетки человека в нейроны Брана допускала. Она знала не только от отца, что в этом направлении ведутся серьезные исследования. Мечта человечества о бессмертии физического тела может вскоре стать реальностью.

Но самый главный вопрос – какова же основная функция философского камня со всем набором его загадочных составляющих?

Брана ощутила сильное возбуждение, чувствуя, что сейчас может открыться тайна, к которой отец готовил ее долгие годы, а возможно, и всю ее жизнь.

Первый опыт

Легко.

Невесомость.

Пространство живое.

Единое в Целом.

Сознание в Покое.

И Время движенье свое поглотило,

Все замерло! Вечное Время застыло...

Закончив с объяснениями, отец положил философский камень на ее ладонь и попросил закрыть глаза, не позволив Бране задать возникшие вопросы. Она почувствовала, как «камень» будто бы ее щекочет, но внезапно все ощущения в теле стихли, потоки мыслей прекратились. Возбуждение, которое она ощущала еще секунду назад, превратилось в нечто эфемерное и далекое. Состояние покоя, возникшее столь внезапно, было настолько всепоглощающим, что Бране показалось, будто она проникла в Вечность.

«Вот оно – самадхи», – пронеслась единственная мысль отголоском одной из бесед с отцом, когда тот рассказывал о практиках йогов.

Брана не смогла определить, сколько она пробыла в таком состоянии: в нем просто отсутствовало понятие времени. Внезапно девушка вновь ощутила свое тело, которое стало невероятно легким. Никакие силы гравитации не могли его удержать, и она начала подниматься. Пытаясь зацепиться хоть за что-то, чтобы не улететь, Брана вдруг обнаружила, что на самом деле ее тело находится внизу, рядом с отцом. Отец же совсем не удивлен, а смотрит на нее, парящую в невесомости, и улыбается. Как это ни парадоксально, но

именно за его улыбку Брана и зацепилась, мягко вернувшись обратно в тело.

23

Медленно открыв глаза после этого ощущения, Брана не хотела ни говорить, ни двигаться, чтобы случайно не спугнуть гармонию, пронизывающую все ее существо.

– Что это было? – спросила она после довольно длинной паузы. Философский камень левитировал, поднявшись над ее ладонью сантиметров на двадцать. У Браны возникло чувство, что она соприкоснулась с чем-то давно забытым. Отец забрал левитирующий нейронавигатор, после чего поздравил ее с боевым крещением.

– Это твое первое, хоть и очень поверхностное, осознанное касание надфизического опыта, о котором я тебе рассказывал. До звезд, конечно, еще далеко, но оторваться от себя у тебя все же получилось.

За этим странным заявлением последовало столь же странное продолжение:

– С этого момента твоя жизнь входит в этап кардинальных изменений, причем достаточно интенсивных. Тебе придется отправиться в столь дальнее путешествие, что никакие физические расстояния не смогут с ним сравниться. Цель этого путешествия не укладывается в земные рамки, так что описать ее навряд ли получится.

– И все же попробуй, – предложила Брана, одновременно чувствуя два противоречивых состояния: легкий азарт от предвкушения невероятных приключений, которые, скорее всего, ее ожидают, и естественный страх перед неизвестностью.

Отец задумался и через довольно длинную паузу ответил:

– Ты отыщешь древнейшую цивилизацию, и тебе откроется прямой путь к звездам.

– Звучит заманчиво... – машинально произнесла она, с трудом веря своим ушам, но понимая, что отец с ней вряд ли шутит. – А что это за цивилизация?

– Цивилизация звездных отблесков. В ней живут люди, восстановившие связь со своими звездами и вернувшие память множества своих предыдущих жизней.

После этих слов отец протянул ей прозрачную пластину размером с визитку, на которой светились координаты широты и долготы.

– Это координаты тех мест, которые ты должна будешь посетить. Так называемые места силы, или, говоря «антинаучным» языком, места с мощными торсионными вихрями. В каждом таком месте включай нейронавигатор, и получишь все необходимые тебе знания порция за порцией.

Брана заметила, что первая запись из пяти поблекла.

– Значит, все, что ты рассказывал мне в детстве, – правда?

Отец лишь улыбнулся в ответ на этот вопрос.

– Что со мной будет там происходить?

– Тебе нужно перефокусировать разум на восприятие звезд, после чего ты увидишь жизнь в таком масштабе, который в данный момент представить себе не можешь. Соответственно, отыщешь цивилизацию звездных отблесков. Произойдет это в три этапа, каждый будет выводить на более расширенный уровень восприятия. По завершении третьего ты будешь готова.

– К чему?

– К встрече со своим древним прошлым. – Отец улыбнулся той улыбкой, по которой Брана поняла, что слова не в силах передать даже приблизительный смысл всего, что она услышала.

– В следующий раз ты отправишься за бесстрашием и обнаружишь его источник внутри себя. – Отец указал пальцем на вторую координату в списке. – Потом тебя ждет знакомство с миром столь древним, что он даже старше самой Вселенной. – И он провел пальцем до третьей светящейся записи. – В четвертый раз ты переступишь порог, за которым начнешь другую жизнь, вернувшись из которой наконец отыщешь того, кого видела в своих снах. А вместе с ним найдешь и великую цивилизацию звездных отблесков. Дальше линия твоей космической судьбы переплетается со множеством звездных нитей. Моих способностей предугадать, к чему приведут эти переплетения, уже не хватает.

– Откуда ты знаешь о моих снах? – в полном изумлении спросила Брана. То, что отец знал о них, удивило даже боль-

ше, чем практическое знакомство с нейронавигатором.

– Его настоящее имя Аким. Я с ним очень хорошо знаком, но не в этой жизни, – загадочно улыбаясь, пояснил отец, не отвечая напрямую на ее вопрос. – Как-нибудь потом я тебе все объясню, если до того момента ты сама не разберешься, – продолжая улыбаться, добавил он. – К сожалению, не могу тебе рассказать большее. Я и так перестарался.

– А как же моя работа? – рассеянно поинтересовалась она после длительной паузы, в которой пыталась осмыслить только что услышанное, но в то же время понимала, что это навряд ли ей удастся.

– Придется оставить, – сказал отец.

К своему изумлению, Брана спокойно восприняла это сообщение, словно и сама уже искала повод сменить род деятельности. Интуитивно она уже давно догадывалась, что наука в той форме, в которой существует сейчас, не даст ответа на важный для нее вопрос. В детстве ей казалось, что душа матери вернулась к своей звезде, и хотелось знать – к какой. Став постарше, под влиянием бесед с отцом она сформулировала волнующий ее вопрос иначе: есть ли у звезд Разум?

После того, что поведал сейчас отец, и испытанного опыта с нейронавигатором казалось, что ответ витает где-то рядом.

– Физический мир лишь песчинка на берегу маленького островка в огромном океане Сознания. Пришло время начать знакомиться с самим океаном, – произнесено это было так, словно подводился итог всей ее жизни до настоящего

момента.

– Ты поедешь со мной? – задала Брана волнующий ее вопрос, уже догадываясь, что услышит. Ее догадка оправдалась.

– Ты даже не представляешь, какая удивительная жизнь тебя ждет. А это теперь твое. – Отец протянул Бране шестигранный футляр с философским камнем и маленький кейс с кодовым замком. – Всегда носи нейронавигатор внутри. Футляр поглощает любые излучения, он невидим для рентгеновских лучей, и металлоискатель его тоже не обнаружит. В дополнение ко всему кейс с двойным дном, поэтому перелеты тебе не страшны.

Как ни странно, но Брана давно ожидала нечто подобное от отца, в чем ему и призналась.

– Я знаю, – ответил тот, а затем попросил не пытаться анализировать произошедшее сегодня, по крайней мере пару дней.

Выполнить просьбу оказалось на удивление легко. Внимание Браны тут же переключилось на красоту природы, окружавшую их. Лишь порой возникала мысль, приправленная любопытством: «Как такое возможно, что отец знал о моих снах?»

Она решила обязательно расспросить его об этом через несколько дней.

Вечером они вернулись домой довольные и уставшие. Брана чувствовала себя так, будто произошедшее с ней было

чем-то само собой разумеющимся, хотя понимала, что столь невероятная технология должна будет привести ее к столь же невероятному опыту, который еще предстоит пройти в будущем.

24

На следующий день отца не стало. Он погиб в автомобильной катастрофе.

Последнее обращение, которое вскоре она получила по электронной почте, было простым и сложным одновременно.

Я выполнил все, что было необходимо. У меня нет сожалений по поводу своего ухода. Самое главное: я подготовил тебя к нейронавигатору. Этот прибор настолько мощный, что ему нет аналогов в этом мире, так как он настроен на тебя. Даже для меня он был опасен.

Если кто-то воспользуется им, кроме тебя, в лучшем случае сойдет с ума. Но тебе его бояться нечего. Дальше самостоятельно сможешь продолжить свой Новый (как тебе может показаться) Путь. На самом же деле ты продолжишь строить многие воплощения, но об этом узнаешь позже. Перед тобой начинает раскрываться такая реальность, существование которой трудно представить, но ты абсолютно готова.

Твоя внутренняя Сила скоро обретет полную свободу,

ее лишь нужно будет направить. Следующие координаты в полученном от меня списке помогут в этом. Следуй намеченному плану, и получишь ответы на все свои вопросы.

МЫ НЕ УМИРАЕМ, а лишь ненадолго расстаемся. ВСЕГДА ПОМНИ ОБ ЭТОМ!

И еще. Если возникнет необходимость — сопротивляйся превосходящей силе любыми доступными средствами.

Как бы ни было трудно, у тебя ВСЕ ПОЛУЧИТСЯ!

Брана перечитала послание несколько раз.

– Отец знал... Значит ли это, что его гибель неслучайна? – Она понимала, что сам вопрос является ответом, а также, скорее всего, это связано с нейронавигатором.

Но это не был единственный вопрос.

«Прибор настолько мощный, что ему нет аналогов в этом мире, так как он настроен на тебя».

– Что это значит? Насколько мощный, что даже для отца он был опасен? А для меня, значит, нет?

«Если кто-то воспользуется им, кроме тебя, в лучшем случае сойдет с ума».

– В лучшем случае? – вновь переспросила себя Брана. – Кто же я такая?

Все это вызывало тревогу, особенно последняя пара фраз. Она отметила для себя слова, написанные заглавными бук-

вами, решив все же сосредоточиться на позитивном.

Дальше шла инструкция по использованию нейронавигатора и просьба включать его лишь в местах из списка. Также отец просил не забегать вперед и локализовывать координаты на карте непосредственно перед планированием конкретной поездки. Еще следовало такое указание: если координата является туристическим центром, следует правильно выбрать время и место, где тебя никто не побеспокоит в течение десяти минут.

25

Родители отца спокойно перенесли его смерть, но еще больше удивила Брану их просьба: «Как можно скорее отправляйся в путь, намеченный им».

Расспросы, насколько те были в курсе деятельности своего сына, ничего особо не дали. Брана услышала в основном известное ей, с единственным нюансом: они настаивали, что их сын занимался исследованиями такого явления, как время, и каким-то образом мог им управлять.

– Он утверждал, что есть два основных потока времени: один звездный, другой человеческий. Если их соединить, то физическое тело перестает стареть. Но как это сделать, он так и не успел нам рассказать, – было сказано девушке.

Больше они ничего не знали – или по неизвестным причинам не хотели говорить.

Брана вновь вспомнила о таинственной древней цивилизации звездных отблесков и надежде отца, что она ее отыщет. Наверняка потоки времени, о которых сообщили родители отца, как-то связаны со звездными отблесками.

«Отец навряд ли подкинул мне ребус, с которым я не смогу справиться», – думала она в надежде, что не ошибается. Хотя с чем ей предстояло справляться, она не имела ни малейшего представления.

Еще одной неожиданностью для Браны стало, что после известия о катастрофе боль утраты, резко взметнувшись вверх, неожиданно бесследно прошла. По этому поводу Брана даже расстроилась, ведь она обожала отца, а тут необъяснимое равнодушие. Никак не ожидая от себя подобной реакции, она пришла к выводу, что причиной тому был философский камень. Точнее, его воздействие. Каждый раз, когда она думала об отце, ее мягко погружало в не поддающееся логике безмятежное спокойствие.

26

Брана ясно понимала, что в момент практического знакомства с нейронавигатором произошло нечто необыкновенное и обратного пути в привычную для нее реальность уже нет. Перед ней начинал сбрасывать завесы какой-то иной мир, действующий на неизвестных принципах и законах, скорее всего абсолютно отличных от физических.

«Который из двух миров реальный?» – этот вопрос возникал всякий раз, как только ей вспоминался полет без тела и чувство, когда она сверху смотрела на саму себя, сидящую рядом с отцом. А погружение в вечность? Так она назвала состояние, в котором после включения нейронавигатора перестала чувствовать время. Постепенно острота впечатлений от открывшегося в ту знаковую встречу стала слабеть, но при этом осталось двоякое чувство, будто одновременно она присутствует в двух мирах. Вдобавок к этому Брану напрягала неизвестность. Что с ней может произойти в следующий раз при использовании прибора? Ведь отца не будет рядом, она будет одна в чужой стране, но послушаться его посмертной воли она не хотела.

Брана сосредоточилась на предстоящем витке судьбы и гармоничном завершении предыдущего. Переехав в родительский дом, расположенный высоко в Альпах, меньше чем через месяц она уже была готова начать новую жизнь.

Беглого взгляда на список отца хватило, чтобы понять, что координаты в нем разбросаны по всему миру, поэтому Брана решила по возможности скорее совершить путешествие в страны, которые необходимо было посетить, хотя отец ничего не говорил о сроках.

Мексика

Вторая координата вела в бывшую столицу толтеков, го-

род Тула-де-Альенде, который находился в шестидесяти пяти километрах от Мехико.

Брана отправилась напрямик туда, решив прежде всего выполнить поручение родителя, а потом покататься по стране в свое удовольствие. Готовясь к поездке, она вдруг осознала, что космос она знает намного лучше, чем родную планету. Вот и выдался шанс восполнить пробел.

Авиалайнер поворачивал, уклоняясь вправо. Это вернуло Брану в настоящее, и она выглянула в иллюминатор. Земля медленно накренилась и так же медленно выровнялась, при этом вид особо не поменялся. Ее внимание вдруг привлекла белая точка вдали. Очень быстро она поняла, что это еще одно воздушное судно, идущее на посадку, которое, скорее всего, следовало параллельным курсом, пока не выполнило маневр. Через пару секунд приближающийся к ним авиалайнер существенно вырос в размерах, он был на той же высоте, что и они.

Внезапные сомнения, видят ли пилоты друг друга, обожгли ее ледяной волной ужаса. Ей было предельно ясно, что она не успеет сообщить о приближающейся катастрофе, счет шел на секунды. Словно в замедленной съемке, она смотрела на стремительно растущую, сигарообразную, крылатую форму неминуемой гибели. Уже можно было разобрать название компании на корпусе чужого судна, как оно в последний момент резко ушло вниз. Брана увидела выхлопной след от двигателей, который тут же остался позади. Она не сразу со-

образила, что продолжает прислушиваться: не было ли удара снизу?

– Почти попал.

От звука чужого голоса Брана вздрогнула. Неподалеку сидел Стив. Он, судя по всему, тоже был свидетелем произошедшего. Его шутка в данной обстановке показалась Бране неуместной.

– Могла произойти катастрофа. Я думаю, подобное сближение – нестандартная ситуация, – ответила она.

– Скорее всего, да. Извините, что вновь вас потревожил. Из вашего иллюминатора было лучше видно. – Стив встал и прошел на свое место.

«Как я его не заметила? – удивилась Брана и тут же сама себе ответила: – В такой ситуации и пожар не заметишь».

Сердце все еще бешено колотилось.

«Вообще-то интересно, – вновь возникла мысль о Стиве. – На этот раз он не выглядел напуганным. Ни испарины, ни трясущихся рук. Напряженный, но уверенный взгляд и спокойный, твердый голос, хотя случившееся было куда опасней какой-то там турбулентности».

Авиалайнер слегка вздрогнул. На этот раз оттого, что шасси коснулись взлетной полосы.

Брана настолько была под впечатлением от произошедшего, что факт посадки застал ее врасплох. Динамик ожил, и пилот сообщил, что они удачно приземлились в международном аэропорту имени Бенито Хуареса в Мехико.

Когда пассажирам разрешили покинуть салон, она подхватила ручную кладь и прошла к трапу. Мексика встречала Брану мелким морозящим дождем и теплым влажным воздухом.

Впоследствии выяснилось, что один двигатель во время посадки вышел из строя. В него попала птица.

«После таких событий впору стать суеверной, учитывая, с какой целью я прилетела сюда», – мелькнула мысль.

Оказавшись в здании аэропорта, она встретила своего попутчика Стива. Тот неуверенно подошел к ней и улыбнулся:

– Я не хотел бы навязываться, но если вам что-нибудь понадобится в столице, вот моя карточка. – Он протянул черную плотную визитку. На ней была выгравирована белая надпись-логотип: «Черный Луч», изящно перечеркнутая черной изогнутой линией, вероятно символизирующей луч, а под ней значилось: *Специалист по технологиям, консультант*. Имя нового знакомого и номер телефона.

– Странная визитка, – сказала Брана, взяв карточку. – Обычно указывают, какие технологии и консультант в какой области.

– У меня широкий профиль и хорошие связи, – скромно отвечал тот.

– Цель моей поездки достаточно заурядная, так что ваша помощь мне навряд ли понадобится. Но в любом случае спасибо. – Она обворожительно улыбнулась и, спрятав визитку в сумочку, прошла к выходу, затылком чувствуя на себе

взгляд этого мужчины.

«Странный человек, очень странный», – это была последняя мысль о ее неожиданном попутчике, после которой она полностью забыла о нем, сосредоточившись на своем ближайшем будущем.

28

Взяв такси и относительно легко добравшись до места, Брана захотела в первый день осмотреться и немного познакомиться с местной культурой, поэтому, наняв местного гида на несколько часов, она услышала много интересного и неожиданного.

Гид с увлечением рассказывал ей о пантеоне богов народов Мезоамерики, погружая Брану в экзотическое мировосприятие исчезнувших народов, после чего они посетили одну частную коллекцию. Официальная история подобные находки игнорирует, обосновывая, что якобы все они – не что иное, как подделка. Брана увидела и керамические летающие тарелки, и различные фигурки так называемых инопланетян, и общение жрецов с этими инопланетянами, включая сексуальные контакты. А также увесистые каменные книги с письменами, не поддающимися прочтению. Брану удивило огромное количество представленных ей объектов. Среди них были как совсем маленькие, размером с палец, так и большие скульптуры из цельного камня в половину челове-

ческого роста. Она вначале скептически отнеслась ко всему увиденному, но затем, когда припомнила рассказы отца, а также удивительную архитектуру, необъяснимую современными технологиями строительства и разбросанную по всему континенту, скептицизм значительно уменьшился.

Судя по всему, Брана очень понравилась владельцу коллекции. Поэтому, заканчивая разговор, он буквально умолял ее получить в дар талисман. Украшение было небольшим, размером с ладонь. Полностью из нефрита. На нем были вырезаны какие-то символы: то ли лицо, то ли маска и звезды.

Брана узнала созвездие Ориона и звезду Сириус (единственную изображенную на талисмане звезду из созвездия Большого Пса).

«Странно. Вроде бы эти звезды связаны с Древним Египтом», – с интересом подумала она.

Коллекционер уверял, что талисман не только стоит немалых денег, но, что самое главное, обладает великой магической силой. Новый знакомый, получив-таки согласие Браны, сразу же повесил свой дар ей на шею. Слегка потрясенная полученной информацией и подарком, она поблагодарила обоих мужчин.

Гид напоследок сказал ей, что все ценное желательно спрятать ближе к телу, предупреждая:

– У нас тут могут и обокрасть.

Остаток дня Брана бесцельно бродила по городу. Отец рассказывал о некой элите народа толтеков, которая обладала просто волшебными способностями. По его словам, им было подвластно чуть ли не пространство и время. После осмотра коллекции Брана стала догадываться, откуда могли возникнуть эти способности.

Отец говорил, что во времена Конкисты они влились в цивилизацию звездных отблесков. Об этой загадочной цивилизации он мало рассказывал. Лишь изредка упоминал в каком-нибудь историческом контексте и утверждал, что это самая древняя цивилизация, которая существует и по сей день.

Случайно заглянув в небольшой магазинчик, она не удержалась и приобрела колоритное платье. По словам продавца, такой наряд могла носить лишь знатная дама во времена жертвоприношений. Брана не очень поверила продавцу, но ей было все равно. Платье пришлось по душе, поэтому она сразу же в него переоделась. Продавец восхищенно осыпал путешественницу комплиментами. Он говорил, что она выглядит как дочь бога Утренней Звезды, Кетцалькоатля, и не хотел брать плату. Брана настояла, решив, что слишком уж много подарков на сегодня.

«Ну просто мексиканская Афродита», – подумала она про себя и рассмеялась. Брана поинтересовалась у продавца, как «Дочь Утренней Звезды» звучит на языке древних толтеков. В тот момент она еще не знала, что совсем скоро предстоит

услышать это сочетание слов на древнем языке еще не один раз.

Вернувшись в отель и перед тем, как отправиться спать, Брана выяснила, в какое время у достопримечательности основной наплыв туристов. Хорошо выспавшись, с раннего утра она уже была на месте. Пробыв на территории пирамиды Утренней Звезды около получаса, она наконец нашла место, чтобы уединиться. В одной из стен, ближе к вершине, скрывалась ниша, куда с большим трудом она и протиснулась. Встав на четвереньки, на ощупь, практически в полной темноте, девушка проползла внутрь несколько метров, пока не уперлась в гладкий камень. Камера, в которой она оказалась, была идеальным укрытием от посторонних глаз. Сердце бешено колотилось – не столько от проделанных усилий, сколько от предстоящей активации нейронавигатора.

«Утро и пирамида Утренней Звезды, а вчера меня называли дочерью бога Утренней Звезды – очень символично», – подумала Брана. Эта мысль почему-то немного ее успокоила. Затем вспомнилось улыбающееся лицо отца, и она почувствовала прилив сил. Достав из футляра нейронавигатор, Брана артистично произнесла:

– Да поможет мне Кетцалькоатль!

Об этом очень значимом для народов Мезоамерики божестве, предстающем в образе пернатого змея, вчера так много рассказывал гид.

Ей показалось, что стены слегка завибрировали, отражая

ее голос и создавая эффект эха, словно она находилась в большом зале, а не в маленьком каменном кармане, в который с трудом можно было протиснуться. Брана удивилась, но отнеслась к этому несерьезно: мало ли что может показаться в столь волнительный момент.

Без лишних раздумий девушка крутанула механизм нейронавигатора и уверенно положила его себе на ладонь, в центре которой возник легкий зуд. Как и в первый раз, волна спокойствия лишила Брану чувства времени.

Второй опыт

Коленопреклоненный вновь.

Душа в тисках, колени в кровь,

А плечи, битые хлыстом,

На память, что я был рабом...

Когда она очнулась, по легкому свечению бриллианта увидела, что нейронавигатор вновь левитировал. Иначе заметить устройство не представлялось возможным, ведь вокруг была крошечная тьма. Удивившись, что с ней ничего особенного не произошло, Брана все же почувствовала облегчение. Первый ее самостоятельный опыт с философским камнем прошел удачно, без эксцессов. Сложив прибор обратно, она стала пробираться к выходу в приподнятом настроении. Снаружи было шумно, и Брана подумала, что, скорее все-

го, за несколько минут набежало много туристов. Каково же было ее удивление, когда вместо них она увидела огромную толпу полураздетых людей, воздевающих руки к небу и кричащих на непонятном ей языке.

Первое объяснение, которое нашла Брана, казалось вполне разумным – это массовка, и снимается какой-то исторический фильм, но нигде не было видно съемочной группы. От внезапной догадки сердце в груди чуть не остановилось. Солнце стояло высоко, значит, прошло не десять минут, а несколько часов. Высунувшись из своего укрытия, она не поверила собственным глазам. На месте, где были многочисленные полуразрушенные колонны, возвышались три храма во всей своей первозданной красе. Сама пирамида тоже отличалась от той, по которой она вскарабкалась в свое убежище. И самое главное, перед ней простирался нетронутый древний город, населенный людьми.

«Переместилась в прошлое? На самом деле? Но как отец мог не предупредить о подобном? Неужели нейронавигатор дал сбой?» – спрашивала себя Брана.

Внезапно возникшая боль вывела ее из одного шокового состояния и погрузила в другое, более глубокое. Кто-то схватил за волосы, вытаскивая из укрытия. Она в страхе закричала и стала отбиваться от невидимого врага, но силы были неравны, и вскоре Брану полностью вытащили из ниши, в которой она скрывалась. По мертвой хватке стало ясно, что отпускать незваную гостью никто не собирался. Един-

ственное, что Брана могла видеть, стоя на коленях, это заляпанные кровью, пыльные ноги, обутые в некое подобие открытых мокасин. Предприняв несколько отчаянных попыток вырваться и поняв, что это бесполезно, Брана бросила взгляд в сторону, куда смотрела истошно орущая толпа. Несмотря на жару, внутри у нее все оледенело от представившейся картины. Чуть поодаль находилась еще одна пирамида, на которой только что обезглавили женщину, а рядом стояли в очереди будущие жертвы. Сердце у Браны колотилось с такой бешеной скоростью, что казалось, оно или выпрыгнет из грудной клетки, или мощный поток крови, поступающий в мозг, лишит ее сознания. Впервые в жизни она испытывала такой всепоглощающий ужас, который по мере развития событий только нарастал. Схвативший ее человек решил увидеть лицо пленницы и с легкостью приподнял Брану за волосы, поставив на ноги. Огромная желтая маска с клювом, обрамленная большими красными перьями, сквозь узкие прорези смотрела на путешественницу темными глазами. Едкий запах пота и чего-то еще, не менее вонючего, обжег ей ноздри. Несмотря на помутневшее сознание, Брана все же заметила, что в одной руке это чудовище сжимало окровавленный нож. Сжавшись, интуитивно пытаясь закрыться от безжалостного вулканического стекла, Брана приготовилась к удару, но вместо этого рука судорожно дернулась и резко отшвырнула находку в сторону, словно ядовитую змею. Не удержав равновесие, незваная гостья кубарем покатилась с

пирамиды, стараясь при этом не разбиться и снизить скорость падения. Когда она долетела вниз, больно приземлившись на спину и ударившись затылком, то потеряла сознание.

Время превратилось в жидкий поток с кроваво-красными пятнами, размытые границы которого не позволяли определить, как долго Брана пробыла без сознания.

31

И времени ткань

Вся в разорванных нитях.

Успеть бы дожить...

Очнувшись, она увидела свои густые черные волосы, беспорядочно свисающие и почти полностью закрывающие ей обзор. С трудом она разглядела расступающуюся перед ней толпу. Ее волокли по земле, грубо подхватив за предплечья. Еще плохо соображая, Брана все-таки сумела определить, что, кроме ушибов, синяков, разорванного в нескольких местах платья и, вероятно, сотрясения мозга, серьезных повреждений ей удалось избежать. Голова болела от удара, но сознание уже полностью вернулось.

«Куда меня тащат?» – испуганно подумала Брана, и сердце вновь заколотилось в диком ритме.

Тащили ее к той самой пирамиде, на которой совершали

жертвоприношения.

– Этого не может быть. Это какой-то бред, – в отчаянии прошептала она, не в силах сопротивляться.

От пережитого и увиденного ноги не слушались, а все тело ныло после падения. Затащив по ступеням, ее бросили, словно мешок с песком, к ногам жреца, возле которого дергалась в предсмертных судорогах только что принесенная в жертву девушка. Вдобавок к этому стоял жуткий смрад. Брану тут же вырвало на липкую от крови каменную плиту. Жрец простер руки к небу, и мгновенно стало тихо. Брана закрыла глаза, чтобы не потерять сознание. Она не могла видеть происходящего вокруг безумия, в котором так внезапно оказалась по неизвестным ей причинам.

Тем временем жрец резкими, обрывистыми звуками начал что-то выкрикивать в толпу – та восторженно завопила. Бране вдруг вспомнилось детство: Альпы, любящая семья, ее спокойно текущая совсем недавно жизнь. Прорвавшись сквозь пелену прошлого, возник единственный вопрос, в миг заполнивший собой все пространство мыслей. «Почему? – обращалась девушка к отцу, а из закрытых глаз обилием потекли слезы. – Ведь я должна была лишь выполнить твое поручение, а сейчас умру ужасной смертью, не просто вдали от родного дома, а вдали от времени, в котором родилась».

Брана понимала с предельной ясностью обреченного, что жить ей осталось едва ли минуту. Мольбы о спасении беспо-

лезны, да и на каком языке? Остается лишь одно – смириться с судьбой, так внезапно бросившей ее в гущу столь кошмарной действительности. Она прощалась с жизнью, ожидая своей участи, но как же сильно не хотелось умирать...

32

Судьбы жестокая петля

Вдруг оборвется...

Навсегда?

Грубо подхватив под руки, ее рывком выдернули из этих гнетущих размышлений. Сердце подпрыгнуло к горлу, ожидая скорой гибели. Открыв глаза, Брана увидела перед собой морщинистое лицо старого жреца, лоснящееся от пота и обрамленное красными перьями. Тот что-то бормотал, закатив глаза. Его ладонь с еще не запекшейся кровью предыдущей жертвы медленно опускалась ей на голову.

«Мало того, что меня сейчас убьют, так еще хотят превратить в жертвенное животное», – в Бране закипела такая жгучая ярость, что, забыв обо всем на свете, она полностью оказалась во власти этой неукротимой энергии. В потаенных глубинах ее существа проснулись животные сила и скорость. Она резко дернулась и легко вырвалась из рук помощников жреца, уже не ожидающих никакого сопротивления.

– Я умру как человек! – с ревом выплюнула Брана риту-

альному убийце после того, как со всей силы ударила по кровавой ладони, уже готовой коснуться ее лица. Жрец, внезапно выйдя из транса, в страхе присел, жалобно подвывая от боли. Другой рукой он схватил большой палец, в который пришелся удар. Скорее всего, тот был вывихнут, а может, даже сломан. Вспышка ярости мгновенно отрезвила. Мозг стал соображать предельно ясно, без примеси эмоций. Брана тут же вспомнила про талисман, полученный от коллекционера и плотно закрепленный плетеным ремешком у нее на шее, а также про мобильный, который каким-то чудом уцелел, пока она падала с пирамиды. Через секунду, ловко отстегнув застежку, Брана уже трясла возле носа жреца подарком коллекционера и орала что есть мочи:

– Кетцалькоатль, Кетцалькоатль!

Глава культа перестал скулить и, не вставая с корточек, начал пятиться. Брана не знала, чем именно произвела такое впечатление: талисманом или своим неожиданным сопротивлением с именем их божества на устах. Это надо было срочно выяснить.

В другой руке она уже сжимала мобильный, хотя совсем не была уверена в его исправности. Резко развернувшись, взбунтовавшаяся жертва стала размахивать талисманом перед лицами помощников жреца, стоявших в замешательстве и, скорее всего, ожидавших указаний. Брана внимательно следила за их реакцией, пытаясь понять, какое впечатление на них окажет находящийся в ее руке предмет. В их глазах

постепенно нарастал ужас. Видимо, они никак не ожидали увидеть эту вещицу в руках обессиленной и беспомощной жертвы, коей Брана была еще минуту назад. Постепенно их тела оседали. Вскоре они лежали ниц перед Браной, вытянувшись в полном повиновении. Жрец, забыв о своем сане, стоял на коленях в молитвенной позе, протянув ладони к ней, и что-то лепетал. Брана увидела неестественно вывернутый большой палец.

«Все-таки сломала», – подумала она и, решив окончательно закрепить свою победу, подняла руку, развернув талисман в сторону толпы, и громогласно провозгласила:

– Кетцалькоатль!

Те, кто стоял рядом и мог видеть небольшой предмет в ее руке, так же покорно стали опускаться на колени. По толпе шелестом пронесся шепот. Информация быстро разлетелась среди людей, и скоро несколько тысяч коленопреклоненных сначала робко, но после все смелее и громче стали произносить какое-то слово. Брана догадалась, что, скорее всего, ее нарекли каким-то высоким титулом. Почему-то это слово показалось очень знакомым. Поискав в памяти, она вспомнила продавца, у которого купила платье, в котором была сейчас. «Дочь Утренней Звезды» – вот что произносила сейчас толпа на языке науатль.

«Да... – выдохнула про себя Брана с облегчением. – Результат превзошел все ожидания, спасибо гиду и коллекционеру».

Но праздновать победу было рано. Мимолетная удача, так неожиданно свалившаяся к ней в руки, могла так же неожиданно и исчезнуть. Тем более Брана не совсем представляла, что делать дальше. Ей нужно обязательно добраться до нейронавигатора, который остался в нише соседней пирамиды, откуда ее вытащили в этот кошмар. Конечно, неизвестно, куда ее может закинуть в следующий раз, но хуже места, чем это, Бране трудно было вообразить. Да и как долго она сможет контролировать ситуацию без знания языка и местных обычаев? Важно не утратить преимущество, которым она сейчас владела. Это Брана четко понимала. Она начала осматриваться. Первым делом взглянула на пирамиду Утренней Звезды. Увиденное потрясло ее своей красотой, ведь такого не было в ее родной реальности. Головы пяти базальтовых воинов, стоящих на плоской, усеченной вершине огромной пирамиды, держали малую пирамиду. Верхняя часть была продолжением нижней. Малая пирамида сильно отличалась от всех окружающих строений. Она была из цельного, хорошо отполированного и похожего на гранит материала. Бране даже показалось, что на пирамиде были египетские иероглифы, но в этом она не была уверена. В нижней части, рядом с головой одного из каменных воинов, зияло круглое отверстие входа, в которое вела узкая лестница.

«Необычный объект. Скорее всего, святая святых, – быстро соображала Брана. – Сегодня праздник, который должен был еще продолжаться. Значит, там никого быть не должно, а если кто-то и будет, у меня есть мобильный». Она тут же проверила свое мобильное устройство и с облегчением убедилась, что оно работает. «Мне необходимо туда добраться, а оттуда уже рукой подать до ниши, где преобразователь отца. Только бы он сработал».

Определившись с планом, Брана начала действовать. Она сильно пнула ногой распластавшегося перед ней жреца. От неожиданности тот комично крикнул и резко подскочил. Брана жестом показала на отражающую полированными гранями солнечные лучи малую пирамиду, ясно давая понять, что ей нужно туда. Жрец без промедления стал спускаться вниз, двигаясь в указанном Браной направлении, при этом периодически оборачиваясь и приглашая жестами идти следом. Брана придала своему лицу выражение предельной значимости и походкой богини зашагала за жрецом. Практически сразу образовалась самая настоящая процессия. Непонятно откуда взялись несколько воинов. К ним присоединилось семеро жрецов. Об этом красноречиво говорили их одеяния: такие же темные накидки, как и у того, который сегодня приносил жертвы. За ними – целая вереница людей, предназначение которых Бране было неясно.

«Это, судя по всему, моя свита», – оставаясь предельно бдительной, подумала Брана. Медленно спустившись с пира-

миды и преодолев небольшое расстояние до следующей, они стали подниматься по ступеням. Брана с трудом сдерживала себя, чтобы со всех ног не побежать к нейронавигатору.

Достигнув наконец плоской площадки с пятью каменными воинами, которые своими головами поддерживали малую пирамиду, процессия остановилась возле лестницы. Брана не задумываясь подошла к ней и стала подниматься вверх. За ней последовали семеро второстепенных жрецов. Главный остался стоять на месте.

«Они, кажется, решили, что я на него гневаюсь», – усмехнулась про себя Брана, проскальзывая в пирамиду.

34

Внутри было темно, но как только она там оказалась, пространство возле ее ног посветлело. Произошло это потому, что пол начал пропускать внешний свет, как пропускает его сильно тонированное стекло. Под ногами она и увидела свой талисман. Точнее, его изображение, которое оказалось в сотни раз больше того, что она сжимала в руке. Такого Брана, конечно, не ожидала и была поражена подобным совпадением. Удивительно, но круглый вход на гигантском изображении соответствовал единственному круглому углублению на талисмане. Она задумалась на секунду.

«Как это вообще возможно? С другой стороны, ведь существует философский камень, так почему не существовать

толтекскому талисману с подобными свойствами? Может, талисман обладает какой-то неизвестной силой и именно он привел меня сюда? А может, взаимодействие философского камня с талисманом и закинуло в эту реальность? Тогда понятно, почему отец не предупредил. Не может быть! Это просто какая-то мистика, – решила Брана. – А не мистика вообще, что я оказалась здесь? По существу, это лишь продолжение всего необъяснимого, что со мной сейчас происходит...» Ведя этот диалог с собой, Брана пыталась как-то примириться с происходящим.

Постепенно все внутреннее пространство посветлело и оказалось огромным. Складывалось впечатление, что оно было рассчитано на гигантов. Из центральной части достаточно плоского пола выросло некое образование, напоминающее переплетенные корни деревьев. Эти корни будто поддерживали внутренний свод пирамиды и являлись, судя по всему, основной осью строения. Посередине оси было небольшое утолщение, внутри которого находился кристалл, очень похожий на черный бриллиант в звездном преобразователе, только намного больше. В разные стороны от этой так называемой оси расходились нити-ветви, которые переплетались друг с другом через утолщения, создавая подобие гигантской паутины. Брану вдруг осенило, что вся эта структура напоминала модель Вселенной, хотя с той же вероятностью это было похоже на нейросеть человеческого мозга. Она пригляделась повнимательнее и постепенно начала раз-

личать знакомые очертания. Брана не поверила собственным глазам. То, над чем работала она и многие ученые по всему миру, располагалось над ее головой. Это была объемная модель Вселенной, мало того – ее расширенная версия. Брана сразу отметила участки, о которых понятия не имела.

«Это просто невероятно...» – она сейчас уже и не знала, что потрясло ее больше: та реальность, в которой она оказалась, или то, что сейчас предстало перед глазами.

35

Я вновь у Истока!

Но «я» изменилось —

Исчезли границы,

Судьба заискрилась.

Красота внутреннего строения завораживала. Все здесь было создано из единого материала и достигло прозрачности янтаря. Свет, проходя сквозь невероятные сплетения форм, играл неповторимыми переливами цвета и оживлял всю конструкцию.

Что это за технологии? Для чего? И кто мог их воплотить в жизнь? Вопросы, естественно, возникали один за другим, как, впрочем, и ответы на них. Брана просто вспомнила частную коллекцию с инопланетянами и их летающими тарелками, которую видела вчера.

Через какое-то время она вдруг осознала, что настолько увлеклась своими размышлениями об открывшемся ее взору необыкновенном творении, что абсолютно забыла о жрецах. Те стояли перед ней полукругом в терпеливом ожидании.

«Что им от меня нужно?» – мгновенно возник вопрос, вернувший ее в страшную действительность и заставивший сердце учащенно стучать.

Брана тут же взяла себя в руки, вспомнив, что она здесь в роли полубогини, или дочери бога. Демонстративно развернувшись спиной к жрецам, величественно прошествовала к плетеной колонне в центре, выстраивая на ходу дальнейший план действий: «Мне нужно избавиться от них и сделать так, чтобы они распустили толпу. Через прозрачные пол и стены будет видно, когда не останется ни души, и я смогу наконец забрать свой нейронавигатор».

Брана понимала также, что жрецы чего-то ожидают от нее. Выгнать их из верхней пирамиды у нее получится, вопреки их ожиданиям. Возможно, она даже сумеет объяснить жестами свое желание – разогнать толпу по домам. Но интуиция подсказывала, что талисман свою роль сыграл и необходимо произвести новое впечатление, соразмеряемое для них с чудом. Это подстегнет их на точное выполнение ее указаний.

Брана достала мобильный. Производя с ним манипуляции, она специально развернулась так, чтобы видели ее руки и то, что она в них держит. Краем глаза наблюдая за реакцией жрецов, Брана осталась довольна результатом. Те стали

переглядываться друг с другом и о чем-то шептаться. В их взглядах вновь появились удивление и страх. Брана наконец нашла, что искала. Наложив на экран встроенный выдвижной 3D-модулятор, запустила программу. Выросшая на пару метров вверх голограмма маленькой части Метагалактики слегка подрагивала. Возможно, аппарат все-таки повредился при падении, но эта объемная картинка, хоть и дрожащая, произвела неизгладимое впечатление на присутствующих. Кроме самого визуального эффекта, было видно, что голограмма очень похожа на внутреннюю структуру пирамиды. Брана не упустила момент и плавными, величественными жестами объяснила жрецам, чего от них хочет. Про себя подумала, что если они чего-то и не поняли, то приложат все усилия, чтобы угодить ей, и оказалась права. Они тут же спустились вниз. Один из них, скорее всего старший, начал говорить с толпой. Достаточно быстро вся площадь между пирамидами опустела. Жрецы вознесли молитву, воздев руки вверх. Брана отчетливо слышала, что они несколько раз повторили данное ей прозвище «Дочь Утренней Звезды». Вскоре и сами они скрылись с глаз.

Брана облегченно вздохнула, мысленно поблагодарив гигада за его предупреждение о ворах. Именно поэтому она спрятала мобильный во внутренний пояс под платьем, что и спасло устройство. Теперь оставалось преодолеть какие-то сто шагов, чтобы добраться до нейронавигатора. Главное, чтобы он был на месте и сработал. Но только она собралась вопло-

тить в жизнь желаемое, как пол под ней дрогнул и отверстие входа закрылось. Брана оказалась заперта.

Вскрикнув от неожиданности, она присела на корточки. Толчок, который показался Бране началом землетрясения, оказался началом полета. Пирамида плавно отдалялась от земли, теряя при этом прозрачность. В то же время черный бриллиант внутри переплетенной колонны стал светиться, быстро повышая интенсивность свечения. Внезапно вся конструкция засияла уменьшенной копией Вселенной. Приступ паники, смешанный с восторгом, остановил голос отца:

– Ты прошла испытание! Дальше будет намного легче. Иначе было нельзя. Помни, я всегда буду любить тебя!

Брана очнулась. Нейронавигатор левитировал над ее ладонью, слегка поблескивая внутренним светом черного бриллианта. Очень медленно, еще не веря, что все закончилось, Брана убрала устройство и разрыдалась.

36

Через какое-то время рыдания стали стихать. К ней постепенно возвращалась способность трезво рассуждать. Прежде всего она решила убедиться, что никаких повреждений на теле нет. Сперва ощупала голову, затем всю себя. Никаких синяков, волосы аккуратно уложены, платье тоже целое, лишь верх оказался мокрым от слез.

«Ну что? Надо выбираться отсюда», – подумала Брана, и

от этой мысли стало не по себе. Она лишь представила, что вновь может оказаться в реальности, похожей на ту, из которой каким-то чудом выбралась, и мурашки покрыли тело. Откуда она знает, возможно, философский камень барахлит? Волнение нарастало с новой силой.

На ум пришли слова отца, после которых она очнулась. Это слегка приободрило, и Брана полезла вперед. Приблизившись к выходу и позволяя глазам привыкнуть к свету, она почувствовала очередную удушливую волну страха. Не в силах больше терпеть неизвестность, высунулась наружу, словно дикий зверь из логова, и сразу же осмотрелась. Рядом никого не было. Пирамида была в точности такой же, по которой она сюда взобралась. Солнце висело в утреннем небе, но туристы еще не успели нагрянуть. Вдали она увидела несколько автомобилей. Выбравшись из этой «норы времени», она с облегчением осмотрела себя уже при свете дня. Еще раз убедившись, что внешне с ней все нормально, она заторопилась убраться подальше от этого зловещего для нее места.

По дороге в отель Брана позвонила домой, чтобы удостовериться, что это ее родная реальность, а не очередное приключение. Только услышав голос деда, Брана окончательно успокоилась.

Несколько дней она приходила в себя. Кровавыми пятнами вспыхивали в мозгу обезглавленные жертвы; восторженно орущая, безумная толпа; опьяненный кровью старый

жрец. Ужас и отвращение до предела наполняли Брану в эти моменты. Сразу адреналином напоминал о себе гнев, по силе сравнимый со взрывом сверхновой, но спасший ей жизнь.

Брана никогда не испытывала таких мощных эмоций. Сколько себя помнила, она была относительно уравновешенной и спокойной. Может, нейронавигатор вскрыл ящик Пандоры, находящийся глубоко в ее подсознании?

Брана не была до конца уверена, чем являлся приключившийся кошмар: реальностью или творением рассудка, воспаленного страхом жестокой смерти? Хотя страх смерти возник, когда под воздействием нейронавигатора она очутилась в ином мире.

Плохим воображением Брана никогда не страдала, но как ее мозг в настолько изощренной, экзотической форме мог родить столь несочетаемое, как модель Вселенной внутри летающей пирамиды и кровожадных дикарей? Смертельная опасность, которую она ощущала множество раз, – вот единственное логичное объяснение. Возможно, этот кошмар рождался по мере нарастающего в ней ужаса и незадействованные резервы подсознания раскрывались поэтапно, создавая еще более страшную фантазию?

Значит, пирамида – это лишь плод ее фантазии, как и все остальное? А как же тогда тот первый опыт у скалы? Вероятно, какая-то часть приключившегося с ней все-таки произошла в действительности. И как разделить действительность с фантазией, если все произошедшее воспринималось реаль-

но пережитым?

Эти вопросы сводили с ума. Впервые показав ей философский камень, отец пообещал, что постепенно она во всем разберется, и это придавало уверенности.

Еще Брана часто возвращалась к его последним словам, сказанным внутри пирамиды: «Дальше будет легче». После этой фразы она наконец оставила тот дикий, кровавый мир и вернулась в свой, в привычный.

Голос и слова отца она давно уже принимала как достоверный факт, где бы они ни звучали. Ее разуму необходимо было хоть за что-то зацепиться, иначе Брана чувствовала, что теряет его. Придя к такому выводу, она перестала терзаться воспоминаниями, позволив жизни расставить все по местам. В ней возникла необходимость сменить мексиканский пейзаж, вызывающий нехорошие ассоциации, на привычный. Как только это случилось, ей опять стали сниться повторяющиеся сны, подобные тем, что снились в детстве. Только они дополнились новыми подробностями. Каменная пустыня, всадник, держащий ее на руках, и она в образе младенца. Их путь лежал к оазису, скрытому в глубине между скал и являющемуся воротами в подземный мир.

«Не тот ли это мир, который отец называл цивилизацией звездных отблесков?» – на этот вопрос ответа у нее не было. Сон всегда заканчивался на том месте, где на руках у мужчины они подъезжают к вырастающим на пути скалам, а им навстречу из узкой расщелины выходит человек.

После каждого ночного погружения в невероятно реальные сновидения о пустыне желание увидеть лицо всадника становилось столь сильным, что она ходила с этим желанием в течение всего дня. Ложась спать, надеялась увидеть его неуловимый образ, если сон повторится.

Вернувшись в Европу и повидавшись с семьей, Брана почувствовала себя уверенней.

В ее сознании прочно оседает решение посетить места, по которым когда-то путешествовала с отцом, чтобы вновь соприкоснуться с любимой архитектурой и наполняющей ее музыкой. Вскоре память окончательно исцеляется от тяжести пережитого. Через какое-то время Брана удивляется своему изменившемуся отношению к произошедшему в Мексике.

«В следующий раз ты отправишься за бесстрашием и обнаружишь его источник внутри себя». Пророческие слова отца, сказанные тогда у скалы, очень точно отражали то, что Брана стала осознавать о самой себе. Прожитый опыт словно оголил суть мысли, скрытую повседневной рутинной. Как же далеки были ее самые смелые предположения, как это будет, от случившегося.

Обычный человек на ее месте не просто оставил бы идею следовать дальше по списку, оставленному отцом и сулящему столь опасные приключения, а постарался бы побыстрее вернуться к привычной жизни. Но Брана была иной. Пророчество отца она почувствовала в своем сердце какой-то но-

вой пульсацией. Словно сменив ритм, оно на самом деле становилось все более бесстрашным. В то же время внутреннее беспокойство усиливалось, как только начала планироваться поездка, связанная с третьей координатой.

Наконец, перестав бороться с собой, Брана нашла ту на карте.

Египет

«Это даже слишком предсказуемо, если не сказать банально», – не испытывая никаких эмоций, подумала она, когда увидела Египет. Не просто страну, а пирамиды в долине Гиза. «Может, мой сон о пустыне как-то связан с Египтом?» – промелькнула мысль, ментально лишив ее рациональной холодности. «Хотя вряд ли. Отец говорил про другое, – тут же оборвала она себя и вспомнила его слова о третьей координате. – Тебя ждет знакомство с миром столь древним, что он даже старше самой Вселенной».

Эта фраза подтверждала, что он однажды сказал про эту страну в ее детстве.

– Египет древнее, чем ты можешь представить. Именно здесь возникло две цивилизации с абсолютно разными направлениями развития. В одной из них ты живешь, а с другой тебе предстоит встретиться в будущем, но к этой встрече еще надо будет подготовиться.

Учитывая предыдущий опыт, Брана решила подробнее

ознакомиться с древнеегипетской культурой и даже выучить минимальный набор слов языка фараонов. Начав это знакомство, Брана также вспомнила беседы с отцом на эту тему. В основном он рассказывал ей об отношении древних египтян к понятиям жизни и смерти. Загробная жизнь для них была естественным продолжением жизни земной. Умерший воспринимался как реально существующий. Впрочем, как и у многих других древних народов.

Небо древним представлялось как огромная водная гладь. Звезды и созвездия ассоциировались с богами и их обителями. Что примечательно, Небесный Океан состоял из семи уровней, и к каждому принадлежали свои созвездия.

Особенно важным моментом в религиозных представлениях египтян являлось плавание по небу в его восточную часть, где рождается солнце, и присоединение умершего фараона к сонму богов. Социальное неравенство земного общества переносилось в мир потусторонний, что всегда вызывало внутренний протест у Браны. Даже после смерти людей лишали свободы, усиливая тем самым их статус раба при жизни. Впрочем, как это ни печально, человечество не изменилось с тех пор. Поменялись лишь инструменты, несправедливость осталась.

Когда Брана добралась до указанного места, она уже основательно изучила древнюю историю и архитектуру страны. Красота и величие построек, увиденных ею воочию, поражали. На протяжении всего путешествия по различным

археологическим местам Брана никак не могла избавиться от чувства внутреннего диссонанса. Для нее было очевидно, что столь величественная архитектура описывалась слишком скудными объяснениями причин, для чего все это строилось, и способов постройки. Уж в очень примитивном свете выставлялись люди, создавшие шедевры, о которых инженеры и ученые современности даже мечтать не осмеливаются.

Эти мысли были далеко не новы, но именно здесь, видя все собственными глазами, Брана в полной мере, как ей казалось, осознала всю глубину несостоятельности официальной версии.

Она задумалась об уровне образования древних архитекторов, невольно сравнивая его со своим. Брана хорошо понимала, что в качественном эквиваленте в лучшем случае она может претендовать на соответствие.

«Здесь не просто многомерные технические знания – здесь какая-то всеобъемлющая философия, скорее всего непостижимая для современного человека. Эти люди должны быть в высшей степени творческими интеллектуалами, фанатиками своего дела, отнюдь не религиозными. Какой же уровень образования и культуры должен быть в стране, чтобы готовить огромное количество таких специалистов? Неужели ученые настолько слепы в своем высокомерном чувстве превосходства над древними, что не рассматривают очевидное? Здесь пахнет мракобесием, причем не древним, а современным».

Размышляя об этом, Брана сидела на песчаном холме в отдалении от пирамид. Складывалось впечатление, что они совсем рядом, настолько поражали размером.

38

Несмотря на то что Брана сильно нервничала перед третьим включением нейронавигатора, она не могла не восхищаться монументальностью величественных форм. С места, где она находилась, открывался прекрасный обзор на все, что способен был увидеть человеческий глаз. Лучи предзакатного солнца словно протискивались сквозь мельчайшие песчинки, подброшенные силой ветра в воздушное пространство безбрежной пустыни. Постепенно нервозность сменилась волнением и азартом первооткрывателя.

«Дух авантюризма тебе совсем не чужд», – подумала Брана и на секунду представила себя в момент постройки пирамид, логично предположив, что философский камень может запросто забросить ее в ту эпоху. Быть рабыней ее, конечно, мало прельщало, хотя с той же вероятностью она могла бы перевоплотиться в жену фараона или даже в самого верховного правителя. Но почему-то ее мало заботило, что с ней произойдет в дальнейшем, словно после мексиканского самостоятельного опыта инстинкт самосохранения превратился в слабое предостережение.

Она еще раз удивилась изменившемуся отношению к про-

исходящему в последнее время, поймав себя на мысли, что наконец-то началась настоящая жизнь, а произошло это после знакомства с философским камнем. Все, что было до этого, лишь долгая прелюдия, подготовка к чему-то столь грандиозному, что находилось оно неизмеримо далеко, за гранью известного.

«В прошлый раз я справилась. Там были мексиканские пирамиды, тут – египетские. Значит, справлюсь и сейчас, – подбадривала она себя. – Отец пообещал, что дальше должно быть легче, значит, он следит за мной и оберегает, где бы ни находился».

Брана открыла футляр и достала нейронавигатор. Ослабевающие лучи заходящего солнца словно оживляли это загадочное изделие, превращая его в мистическое устройство, обладающее властью над временем и пространством. Впрочем, так оно и было. Каким-то необъяснимым образом он настолько сочетался с окружающей обстановкой, что легко можно было представить его найденным в этих песках, в одной из тайных сокровищниц фараона.

Несмотря на волнение перед предстоящим, Брана не могла себе позволить не полюбоваться ювелирной красотой философского камня.

«Все-таки я сумасшедшая», – с этими словами она наконец крутанула механизм и положила себе на ладонь.

Возник ожидаемый легкий зуд в месте соприкосновения с кожей, и всепроникающее чувство покоя в то же мгновение

остановило для Браны время.

Она продолжала воспринимать все вокруг. Постепенно, очень мягко, она выбралась из собственного тела, и ее сознание, не имеющее конкретной формы, начало подниматься. Брана ясно увидела свои черные густые волосы, аккуратно уложенные на макушке. Философский камень парил в нескольких сантиметрах над ее раскрытой ладонью.

Разные истории людей, переживших клиническую смерть, она, конечно, читала. Эти люди рассказывали, что висели под потолком операционной и видели свое физическое тело в окружении врачей, пытавшихся вернуть их к жизни. Но испытывать нечто подобное самой было крайне странно, хоть это и был второй такой опыт. Впечатления не отличались от первого раза, когда у скалы отец показал ей философский камень. И все-таки несоответствия были: она не испытывала тревогу и не было стремления быстрее вернуться в материальную оболочку.

Ее тело стало уменьшаться в размерах. Брана или та ее нематериальная часть, которая осознавала и видела все вокруг, поднималась все выше, пока не оказалась на уровне вершины самой высокой из пирамид. Неожиданно у нее появилось желание посмотреть на древние шедевры архитектуры сверху. Картинка тут же сместилась, и Брана оказалась над ними, продолжая подниматься.

Захотелось разглядеть свое тело, сидящее в нескольких километрах от точки ее теперешнего обзора. Удивительно,

но и это оказалось совсем просто. Восприятие всего происходящего обострилось, зрение стало нечеловечески острым. Она ясно различила свой силуэт, неподвижно сидящий на песчаном холме. Вокруг было все так же безлюдно. Возникло ощущение, что тело в безопасности, поэтому она тут же перестала о нем беспокоиться.

Любуясь землей с высоты птичьего полета, Брана все сильнее задавалась вопросом: «А куда, собственно, я поднимаюсь?»

39

*Здесь космоса глубь,
И пульсары Сознания
Ткут нитью Судьбы
Плотню Мироздания.*

Оказавшись так высоко, что диск солнца сиял на уровне глаз, она обратила внимание, что линия горизонта не опустилась, а продолжает быть на той же высоте и такой же ровной, как будто она сама по-прежнему стоит на земле. Но как это возможно? С такой высоты закругление Земли должно быть явным. Но разобраться с этим Брана не успела, ее внимание полностью переключилось на то, что ждало ее наверху.

От неожиданности она вся сжалась. Прямо на нее надвигался огромный небосвод, и... он был твердый. Столкнове-

ние казалось неизбежным!

«Неужели я разобьюсь?» – вопрос возник за мгновение до того, как она на высокой скорости проскочила купол насквозь и вылетела в иное пространство. Вместе с отрицательным ответом на ее последний вопрос пришло понимание, что пространство жидкое. Скорость подъема снизилась.

«Небесный Океан», – нашлось объяснение.

Бране казалось, что она начинает растворяться в этом океане, увеличиваясь в размерах. «Великий бог Нун поглощает меня», – шутливая мысль проникла в расширяющееся восприятие Браны, напомнив имя полновластного воплощения водной стихии и отца богов Древнего Египта. Жрецы древности называли его материнской утробой, из которой вышло все сущее.

Брана поняла, почему линия горизонта не опускалась, когда она подлетала к твердому небосводу, разделившему атмосферу с водами Небесного Океана.

«Скорее всего, философский камень закинул меня в мифологию Древнего Египта. Плавающие звезды, сдерживаемые небесной твердью вместе с содержащими их водами. Плоская, как блин, Земля, – Брана связала увиденное с ее скудными знаниями в области египтологии. – Интересно, а что это за прозрачный материал, из которого сделан купол и удерживающий такое количество жидкости над собой? Наверное, это нужно у богини Нут спрашивать, Великой Матери Звезд».

Мощная волна ультразвука, почему-то доступная для восприятия Браны, наполняла эти воды.

«Ультразвук должен разогревать жидкость, в которой я плаваю, – допустила она и продолжила рассуждать: – Вот почему температура верхних слоев атмосферы начинает резко расти с высотой. Ультразвук разогревает Небесный Океан за куполом. Купол, соответственно, тоже нагревается и отдает это тепло в ионосферу. Где же, интересно, светящиеся горячие пузыри – результат воздействия ультразвука на воду? Если не ошибаюсь, называется это „сонолюминесценция“. Пузырей здесь должно быть множество». Брана задумалась на мгновение, почему она не видит светящиеся пузырьки: «Может, в данной жидкости этот эффект не работает?»

И тут ее осенило. «Неужели звезды? – догадка потрясла Брану своей правдоподобностью, хоть это полностью перечеркивало все основы ее мировосприятия. – А если такая звезда загорится вблизи купола, она ведь его проплавит, и все эти верхние воды рухнут на землю...»

Она быстро постаралась успокоить себя, что, скорее всего, происходящее с ней лишь очень реалистичная фантазия, вызванная философским камнем. Как доказательство тому был предыдущий опыт в Мексике. Ведь только недавно она выдвинула наиболее логичное предположение, что философский камень закинул ее в мифологию Древнего Египта. А с другой стороны, как-то уж странно эта мифология переплетается с малоизвестными фактами в области физики.

Неизвестно откуда в памяти всплыли строки из Писания: «Разверзлись все источники великой бездны, окна небесные отворились; и лился на землю дождь сорок дней и сорок ночей» (Быт. 7:11–12).

Брана совсем удивилась. Цитировать Писание не входило в перечень ее способностей. В дополнение к этому ей вдруг припомнилась информация, которую как-то поведал ей отец: дождь потопа был горячий.

«Если так и дальше пойдет, от моей предыдущей модели мироустройства не останется камня на камне», – подумала Брана с какой-то беспечной легкостью.

Достаточно высоко уже поднявшись в водах и глядя сверху вниз на твердый, прозрачный купол, сквозь который еще виднелась земля в прорехах белесой облачности, она вдруг ясно увидела «окна небесные». Через них потоп и пролился на землю. По форме эти «окна» походили на спиральные галактики, слегка поблекшие на фоне освещенной солнцем атмосферы внизу. Складывалось ощущение, что эти окна-галактики проплавили небесную твердь и в их центре образовались сквозные отверстия. Через них вода, закрученная спиральными рукавами, и пала на землю. К тому времени, как потоп закончился, целостность поверхности купола восстановилась.

Сознание Браны было шокировано увиденным.

«Неужели мои догадки верны? Тогда весь космос, который я знала, лишь иллюзия. А все, что мы видим в телескопы, всего лишь наша интерпретация лучей света, искаженных рефракцией атмосферы, преломленных стеклом небесного свода и водой за ним. А как же телескопы на орбите и космические полеты? Или это все...»

От очередного озарения, полностью ломающего все аксиомы астрофизики, если не сказать больше – столпы мировоззрения, восприятие стало сжиматься.

41

«Для древних египтян земля была плоскостью, над ней распростерся звездный купол в образе богини Нут, а над богиней – воды Небесного Океана. Об этом не стоит забывать! – пришла в голову спасительная мысль, внесшая спокойствие в начинающее закипать сознание Браны. – То, что я наблюдаю, это лишь версия древнего народа». Этим утверждением она попыталась вернуть пошатнувшуюся уверенность в стабильности знакомого ей мира.

Частота колебаний многомерных потоков ее сознания понизилась, и Брана почувствовала расслабление. Волна ультразвука, идущая откуда-то сверху, стала слабеть. Внимание переключилось и сфокусировалось на Орионе. Все остальное померкло.

Основные звезды созвездия были огромны. Особенно сверхгиганты – красный и самый яркий из всех Бетельгейзе, бело-голубой Ригель и гигант Беллатрикс. Они были величиной с шаровую молнию, находящуюся на расстоянии вытянутой руки.

От всего увиденного Бране казалось, что ее сознание одновременно поскрипывает, дымится и сворачивается спиралью.

Оно отказывалось принять за достоверную реальность плавающие в жидкой среде звезды, будто они фрикадельки в бульоне. Вдобавок ко всему эти звезды-фрикадельки были намного меньше тех размеров, о которых говорит современная наука. Впрочем, как и расстояния между ними.

И все-таки, несмотря на все эти мифологические вперемжку с научными странности, адаптация к этой новой реальности происходила стремительно. Как бы ни были велики всплески сомнений, ее восприятие довольно быстро, хоть и скачкообразно, принимало увиденное вокруг за реально существующий мир.

Вскоре Бране стало казаться, что между звездами в созвездии пробегают очень быстрые электрические разряды. Она не нашла другого определения этому процессу, происходящему со светилами. Мало того, из каждой звезды исходило звучание, объединенное в стройную мелодию.

Этот электроразрядный импульс стал аккумулироваться на трех звездах Пояса Ориона, земным олицетворением кото-

рых являлись три великие пирамиды в долине Гиза. Через мгновение импульс, молнией прочертив линию, перекинулся на Сириус. Двойная звезда вспыхнула ярче обычного, и в водном пространстве разлился звон колокола. Словно звезды Сириуса стукнулись друг о друга и вновь разлетелись в своем звездном танце.

Брана любовалась световым шоу, развернувшимся перед ней. Музыкальное сопровождение происходящего тоже было потрясающим. Как ей показалось, это что-то похожее на Вивальди в сочетании с Вагнером.

Тонкое восприятие Браны улавливало нюансы, неподвластные человеческому глазу и уху. Она наслаждалась. Внезапно из туманности Ориона возникли очертания лица. Став значительно светлее окружающих вод, оно приобрело благородный изумрудный оттенок, а зрачки пульсировали мерцанием дальних звезд.

Брану осенило. Орион (в египетской мифологии Сах) – это же небесная форма Осириса, владыки загробного мира, судьи в царстве мертвых. А Сириус – Изида, его жена, богиня женственности и материнства.

«Судя по всему, я была невольной свидетельницей их общения, – одновременно с восторгом и тревогой подумала Брана. – Теперь я точно уверена, что на этот раз философский камень закинул меня в небесную реальность древних египтян. А то уже стала подумывать, что Земля на самом деле плоская, а над ней твердый купол, за которым вода».

*Я вглубь излучаюсь
Фотонами света
И падаю вниз
На родную планету.
Мой путь предначертан...*

Она представила Небесный Океан, который был повсюду, а на его плоском дне – пузырь земной атмосферы. Твердый купол удерживал этот пузырь, как в аквариуме. Только в этом аквариуме все было наоборот: вода снаружи, воздух внутри. Вжатые атмосферным давлением в неровность поверхности дна капельки земных океанов огибают островки суши – материки.

«А если представить Небесный Океан таким же бескрайним, как космос, то естественно возникает вопрос: сколько же таких аквариумов и как ее мир может быть на дне этого Океана?»

Воображение тут же дополнило картину, и получилась целая колония из атмосферных пузырей. Они были беспорядочно разбросаны по дну, словно икринки какой-нибудь гигантской рыбы. Вокруг этой колонии шастали взад-вперед различные водоплавающие в образе египетских богов и неподвижно висели россыпи звездных скоплений, наблюдая

за организмами внутри воздушных аквариумов.

От разыгравшегося воображения непреодолимый приступ смеха стал расpirать ее и вскоре прорвался наружу. Она вдруг вспомнила, что физическое тело осталось внизу, причем не просто внизу, а в другой реальности. Возник логичный вопрос: как можно смеяться при отсутствии тела? Ответа не нашлось, но смеяться захотелось еще сильнее. Ей показалось, что из-за смеха она стала эпицентром глубинных течений, которые и являются ее ощущением смеха.

Брана так и не сумела разобраться в нематериальном проявлении юмора, как океан ее попросту «выплюнул». Центр ближайшей галактики, расположенной в точности под ней, вспыхнул невыносимо ярко и открылся. Брана с гигантскими массами воды, закрученными спиральными рукавами, ринулась в атмосферу.

«Неужели я новый Всемирный потоп?» – тут же озадачилась она, как только осознала происходящее.

Водные массы тем временем, пролетев всю толщу атмосферы, пали на землю обильным дождем.

Она почувствовала свое тело прежде, чем Нил незначительно вышел из своих берегов. Первые ощущения были такие, словно Брана постепенно проникает в физическую оболочку себя, начиная с макушки. Процесс напоминал облачение в платье. Тело сидело в той же позе, в которой его покинули. Шевельнув слегка затекшими ногами, она открыла глаза.

– Я и не сомневалась, – услышала она собственное бормотание.

43

Одета она была в длинную тунику с богатой вышивкой, плотно облегающую фигуру. На ногах сандалии с двумя ремешками, затянутыми на щиколотках. Она заметила, что кожа на открытых участках очень смуглая. Брана тут же осмотрела себя. Это был не загар, а ее естественный цвет. Кроме этого, ей показалось, что она стала выше ростом.

Она вглядывалась в обновленный пейзаж. Пирамиды стояли на том же месте, но выглядели иначе. Были они чуть повыше. Скорее всего, за счет золотых вершин и облицовки, которая казалась идеальной. Вокруг пирамид было полно цветущей зелени, а воды Нила протекали практически рядом.

«Судя по всему, я перенеслась в Древний Египет. А это один из рукавов Нила. Возможно, даже искусственный, но пересохший в далеком будущем, – рассуждала Брана. – А с чего такая уверенность, что я перенеслась в прошлое?»

Интуиция уверенно подсказывала, что видимое ею сейчас было реальностью двенадцать тысячелетий назад. В достоверности этой информации она почему-то не сомневалась.

Еще один удивительный факт в образе сложных по своей геометрии конструкций висел неподалеку.

«Неужели древние владели антигравитационными технологиями? Хотя... чему тут удивляться? Отец высказывал различные предположения на эту тему. Многие древние предания рассказывают об этом. Да что тут говорить? Одна мексиканская коллекция чего стоит. С другой стороны, скорее всего, все это лишь фантазия моего мозга, активация загадочных нейронных сетей, спонтанно возбужденных нейро-навигатором. Ведь не просто так его называли именно „нейро-навигатор“, а не „машина времени“ или какой-нибудь „преобразователь реальности“. И все-таки в это сложно поверить».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.